

ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ, РАСТЕНИЕ, МИНЕРАЛ.
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. ПЛАТОНОВА

Константин Баршт

1. Живое вещество и мертвая природа

Фауна, флора, мир минералов и человек образуют Космос Андрея Платонова, в котором отношения между частями параллельны динамическому взаимодействию между четырьмя измерениями пространственно-временного континуума А. Эйнштейна. “Вещество мироздания” в произведениях Платонова не изотропно, и любое качественное изменение в одном направлении вызывает, чаще всего непредсказуемые, изменения в остальных трех. Указанная параллель расположена перпендикулярно к традиции позитивной науки, склонной к жесткой изоляции научных полей и резкому противопоставлению указанных явлений. Здесь все четыре указанные формы бытия находятся в неразрывном органическом единстве, различия между ними носят принципиальный характер, как и граница между жизнью и смертью не резка, размыта, более того – ее, строго говоря, вовсе нет. Сюжет, персонажи и другие элементы художественных структур произведений А. Платонова зависят от конкретного варианта реализации этой онтологической модели, которая сформировалась в его сознании еще в 1920-ые гг., и затем служила в качестве кодирующей системы для всего, что он писал (и делал в качестве инженера-электрика и мелиоратора). Эти его “идеалы” были “постоянны и однообразны”, как определил сам Платонов в центральной точке своего творческого пути, в 1927 году.¹

Исследование онтологической картины мира, которая представлена нам в текстах А. Платонова, не раз становилось предметом исследова-

¹ Цит. по изд. Н. Корниенко. О некоторых уроках текстологии // Творчество Андрея Платонова. СПб. 1995, с. 6.

ния.² В поисках “эстетической доминанты” художественного мира А. Платонова и при описании его поэтического языка не обойтись без изучения физико-онтологической картины Вселенной, которую он оставил нам в своих текстах, без этого “не описать путь Платонова-романиста”, справедливо утверждает И. Корниенко.³ На этом пути уже немало сделано, внимание к философским воззрениям писателя постоянно возрастает. Очевидно, что наступил момент, когда мы можем окончательно отбросить снисходительную улыбку при взгляде на научно-философские концепции Платонова, воспринимая его как писателя-философа, равного по своему потенциалу, например, Ф. М. Достоевскому. По-видимому, это необходимо сделать не только потому, что, как выяснилось, непредвзятое изучение научно-технических гипотез А. Платонова опровергают миф об их тотальной утопичности. Для нас более важно то, что некоторые из них составляют не столько часть истории науки и техники XX века, сколько существенную основу для формирования внутреннего времени и пространства мира его произведений, оказываясь базой для создания специфической художественной формы.

Наша работа посвящена описанию взаимодействий между телом человека и всем остальным “веществом вселенной”, представленным в виде растительного, животного и минерального миров, которые оказались в роли центрального принципа художественной структуры многих его произведений, например, рассказа “Мусорный ветер”. Антропологическая парадигма А. Платонова – существенный компонент созданного им текста, описывающего место человека в мире и возможные пути к реализации им своей свободы. Речь идет, разумеется, о поэтическом языке писателя, реализованном в виде языковой парадигмы, описание которой позволяет выстроить семантическую систему, которой придерживался писатель на протяжении всей своей жизни. Эти особенности концепции человека в его отношении к растительному, животному и минеральному миру оказываются основой смыслового знаменателя, ко-

² Среди наиболее интересных работ, затрагивающих эту тему, можно назвать: Л. А. Шубин, Понятие смысла отдельного и общего существования. М. 1987; Е. Толстая-Сегал, Натурфилософские темы в творчестве Платонова 20-30 гг. // Slavica Hierosolymitana, Jerusalem 1979, т. 4; Е. Н. Проскурина, Проблема пространства в повести А. Платонова “Котлован” // Гуманитарные науки в Сибири, Серия филологическая, 1996, № 4; Л. В. Карасев, Движение по склону (пустота и вещество в мире А. Платонова) // Вопросы философии 1995, № 8; П. Дужина, “Все, что видимо, и что скрыто...” // А. Платонов, Котлован. Избранная проза, М. 1988.

³ И. Корниенко, О некоторых уроках текстологии., с. 6.

торый может служить ключом для описания структуры платоновских произведений. Четыре состояния платоновского “вещества мироздания”, соответствующие человеку, животному, растению и минералу, оказываются не просто некими ступенями плавного перехода “от живого к мертвому”, но ценностно равнозначными системами, различающимися лишь по наполненности тем или иным видом энергии Вселенной. Этот единый принцип суммарного равенства “вещества” и “энергии”, взаимопереходящих друг в друга, оказался важнейшим приобретением молодого Платонова, послужив началом формирования его творческого кредо. Переход человека в животное и/или растительное и/или минеральное состояние – часть мирового процесса вещественно-энергетического обмена, который, при отказе человека взять управление им в свои руки, остается в распоряжении бездумной “природы”, которая, по мнению писателя, не пожалует человека как разумное существо, оставив его во временно-смертном состоянии, поскольку не признает за ним никакой другой природы, кроме животной.

Эта идеологическая теорема была сформирована Платоновым еще в 1920-21 году, когда он пережил религиозно-философское потрясение, вызванное знакомством с концепцией перехода вещества в энергию, а пространства – во время как выводом из “Общей теории относительности” А. Эйнштейна. Непосредственной реакцией на это оказалась статья “Слышные шаги” (1921).⁴ В связи с особенностями в восприятии Теории относительности молодым писателем нужно отметить, что форма переживания ее оказалась типичной для русского интеллигента XIX-XX вв. Еще П. Я. Чаадаевым, Ф. М. Достоевским и авторами “Всех” была отмечена в качестве характерной особенности русского интеллигентского самосознания тенденция к принятию в качестве универсальной религиозно-философской модели целого ряда научных доктрин западноевропейской науки. Такого рода расширенно-универсальное восприятие коснулось в свое время теории Ч. Дарвина, экономической концепции К. Маркса, затем “сверхчеловека” Ф. Ницше и “половой теории” З. Фрейда. Такого же типа принятие Второго закона термодинамики и Общей и Специальной теории относительности А. Эйнштейна состоялось в сознании А. Платонова в начале 1920-х гг. Эти физико-математические концепции

⁴ Цитируемая статья “Слышные шаги” представляет собой рецензию на книгу Г. Минковского “Пространство и время”. См. об этом: П. В. Корниенко, История текста и биография А. Платонова (1926-1946) // “Здесь и теперь” 1993, № 1, с. 21. В личном архиве М. А. Платоновой до сих пор хранятся две книги, изданные в 1923 году и связанные с этой темой: Ш. Нордман, “Эйнштейн и вселенная” и В. Тап-Богораз, “Эйнштейн и религия”.

были приняты молодым Платоновым, в те годы студентом-электротехником, как глобальные революционные открытия, которые должны круто повернуть исторический путь человечества.

В публицистических статьях 1920-21 гг. Платонов поднимает вопросы, которые скорее годились бы для международного симпозиума по теоретической физике. На это были особые причины – писатель сделал для себя важное открытие, которое потрясло его разум до основания и заставило пересмотреть всю картину мира. Платонов сознается, что не мог сразу понять эту формулу, но “сначала почувствовал ее, ее истина не открылась для меня, а вспыхнула...” - пишет он об этом крупнейшем событии своей жизни (II, 144).⁵ Платонов принял “формулу” как “символ веры” сформированной им в эти годы “Новой религии”, и она навечно закрепились в его сознании, став одним из важнейших факторов его художественного мышления: “после уже я перевел ее в сознание и закрепил там” (II, 144). Что подразумевалось под этим “открытием истины”, видно из тех статей А. Платонова, где он касается энергетической гипотезы, все более основательно и подробно формируя параметры специфического платоновского хронотона, который был им затем использован в рассказе “Мусорный ветер” и ряде других произведений. Например, в статье “Красный труд” (1920) писатель создает типичное описание метафизики ручного творческого труда, которая затем, практически в том же виде, легла в основание художественной структуры романа “Котлован”, а также “Эфирного тракта” и “Мусорного ветра”.

В рамках гипотезы Платонова, человек и мир движутся одновременно, либо в одном направлении (с этим связана проповедуемая им Энергетическая утопия), либо, как это и происходит в рамках истории человечества, в разных направлениях, расходясь и погибая поодиночке. Не имея никакого настоящего, кроме будущего, оно идет к нему, как определил писатель, “тихими шагами”: человек может ускорить движение мировой истории, сознательно двигаясь ему навстречу (или затормозить это движение, бесплодно и бесцельно пожирая его энергию). В основе пайдешного писателем морального закона, управляющего жизнью человечества, лежит своего рода “энергетический императив”, если переицеивать известный кантовский термин. Сквозь сухие цифры математических выкладок Г. Минковского Платонов увидел смысл и направле-

⁵ Цитаты из публицистических произведений писателя даются по книге: А. Платонов. Чутье правды. М. 1990. Далее в круглых скобках это издание обозначено буквой “II”, далее - номер страницы.

ние всей жизни человечества: “Был математик Минковский, который теперь умер, он нашел зависимость времени и пространства. Такую тесную связь, почти тождество, что время и пространство есть как бы две взаимно, одна другую производящие величины. Он написал такую формулу: - 1 секунда = 300 тысячам километров” (П, 143).⁶

Отсюда был сделан вывод: время и пространство суть одно и то же, изменение параметров и характеристик каждого из четырех измерений континуума непосредственно влияют на все остальные, и главное – непосредственно сказываются на интеллектуальном и телесном состоянии человека. Выяснилось, что биологические свойства живых организмов, включая и человека, оказываются укорененными в простой цифре: 300000 км. в секунду. “То есть величина времени, равная корню квадратному из отрицательной величины (-1- секунды), равняется СКОРОСТИ 300 000 километров. Значит, некоторая величина времени равна некоторой величине пространства. Они тождественны, они – одно” (П, 143) - с волнением пишет Платонов, который в данном случае имеет дело не с сухой математической формулой, но с Тайной Бытия, приоткрывшей для него свои сокровенные возможности. Здесь физико-математическая модель предстала Платонову в виде универсального символа Бытия, взаимодействие пространства и времени с их опорой на “бесконечно малую” константу Бытия нельзя логически объяснить, но нужно, начиная с этого реального маленького числа, попытаться принять ее как единую идею-образ: “взять сразу, мгновенно схватить ее крайнюю сущность, и тогда поймешь” (П, 144).

Таким образом, “Высшая сфера” бытия, равно как и все сферические формы в хронотопах произведений Платонова, коренится в модели мироздания, которую нашел писатель в Общей теории относительности: “формула Минковского определяет зависимость двух основных понятий человеческого сознания – времени и пространства, действующих в абсолютной сфере, лишенной всяких сопротивлений и относительных взаимных влияний” (П, 143). Не останавливаясь на достигнутом, Платонов пытается зрительно представить себе размеры пространства, которое вмещается в описанную единицу скорости света. С одной стороны, корень квадратный из -1 – величина микроскопически малая, с другой – реально существующая. Сочувственно вспоминая Пифагора, который впадал по этому и подобным поводам в религиозный экстаз, Платонов признает

⁶ Скорее всего, Платонов имел дело с изданием: Г. Минковский. Пространство и время. 1915.

великую тайну в этом числе, в котором, возможно, лежит, по его мнению, основание для возможности неуничтожимого бытия человека: “Квадратный корень из (-1) есть величина мнимая, т. е. несуществующая, не поддающаяся пока познанию” (II, 143).

В ранних статьях Платонова возникает специфическое для его поэтического языка различие между “землей” и “природой”: панегирическая риторика, связанная с “землей”, сочетается с отрицательным отношением к “природе”; дифирамбы земле как посетительнице жизни сочетаются с указаниями на губительную для всего живого “безумную природу”, которую, возможно, способен одухотворить и облагородить человек. “Земля” у Платонова противопоставлена “природе”, и если первое – несомненная часть жизни Вселенной, то второе – еще только может стать таковым, при условии приложения к ней творческой энергии человека. Для преодоления этого трагического разделения на “живое” и “мертвое” в мире, при чем человек оказывается в состоянии опасного разрыва между этими двумя сферами, Платонов вырабатывает концепцию, которая связывает между собой разобщенные части Вселенной. Инструментом, с помощью которого можно преодолеть антиномию, оказывается повседневный простой труд человека. Он может изменить мертвую инверсию природы, сделать ее более живой и причастной человеку, стать энергетически одухотворенной и связать собою человека и Мир. Логика, выстраиваемая Платоновым, здесь следующая: в природе действуют постоянные причинно-следственные отношения, “паука есть знание причин явлений внешнего мира”, а “это знание достигается... опытом”. Опыт трактуется как “повседневный труд человека”. Отсюда следует вывод: “...опыт, или наблюдение, или труд есть естественное оружие науки, познания” (II, 52). Реализацию этой схемы мы видим в художественных структурах, созданных Платоновым в его творчестве 1920-1930-х гг.

По свежим следам знакомства с теорией Эйнштейна он написал статью “Слышные шаги”, спустя десятилетие – роман “Котлован” и рассказ “Мусорный ветер”, но оба они – отклики на глубокое переживание, которое вызвали в сознании Платонова три вывода, сделанных им из концепции Эйнштейна-Минковского:

- вещество мира и энергия взаимно перетекают друг в друга (жизнь понималась Платоновым как форма энергии, следовательно, пока есть “вещество” - смерти нет),
- время и пространство абсолютно влияют друг на друга, следовательно, скорость света, 300 000 км. в час – случайная, необязательная и настоятельно требующая изменения трагическая константа нашего мира,

– временность человеческого бытия (смертность), его чрезмерная и гибельная близость к животному состоянию есть корень всех человеческих проблем, а это прямо связано с неверным пространственно-энергетическим расположением человека на Земле.

Как будто создавая предварительный эскиз хронотона “Мусорного ветра” и “Котлована”, Платонов исходит здесь из того, что по “веществу” Вселенной разлита ее полезная и спасительная для человека жизнетворная сила, “сокровенная” энергия, которую заключенная во временные рамки природа не хочет отдавать, по которую человек должен, для спасения себя и всего мироздания, добыть во что бы то ни стало. Первым условием для этого должна стать совершенно иная эτικο-энергетическая позиция, само отношение человека к миру должно измениться – в противном случае извлечение энергии окажется невозможно, а ее источник – недоступным. Напротив, приближаясь уже сегодня, в ограниченном и временном своем состоянии к идеальному эτικο-энергетическому состоянию, человек обретает черты вечного существа, делает первый шаг к преобразению и должен (может, вероятно сможет, есть шансы) получить доступ к неслыханным и доселе неизвестным источникам “энергии жизни”, заключенной прямо под ногами в самой земле, которая является живым организмом, питающим все живое, включая и человека. Эта невероятная по мощи энергия вещества Земли перевернет мир, сделав прежние ценности – маловероятными и малопривлекательными, а вечный Собор всего человечества – очевидной и скорой реальностью.

Не случайно, что главный герой “Мусорного ветра” имеет два свойства, намекающих на Альберта Эйнштейна: имя, а также то, что он (как и сам Андрей Платонов и многие из его “странников-философов”) “физик космических пространств”. Обратим внимание и на то, что главный герой “Котлована”, похожий на Лихтенберга философ-энергетик Чиклин в первой редакции имел имя писателя, “Климентов”. Эти параллели указывают на то, что мы имеем дело с религиозно-философской гнозезой, предполагающей революционный переход Мироздания на качественно новую ступень, обеспечивающую человеку более высокое положение в мире и свободу от трех зол, угнетающих его телесно-духовное существо: 1) от животного состояния (пола и пищевой зависимости), 2) от профессии и других видов социально-общественной зависимости, 3) от смерти.

В статье “Слышные шаги” открывается в последней откровенности пространственно-временная конструкция платоновского Космоса: человек оказывается существом (веществом-энергией) с безграничным будущим, принципиально незавершенным спуском космической энергии, которая

устремлена к целям, согласованным с Мирозданием. Животно-пищевая история человечества (“исторический материализм” К. Маркса), по Платонову, не исчерпывает всего человека, непосредственно связанного с глубинными свойствами наполненного энергией “вещества земли”. Поэтому человек никогда не совпадает с насущным общественным бытием, он “есть тот, кем он хочет быть, а не тот, кто живет у всех на глазах” (II, 143). Вырабатывается принцип двух основных моделей жизни: жить по Платонову можно “очно” и “заочно”; “очная жизнь” – “неслиянная-нераздельная” с Космосом, вечная и лишенная животно-телесных ограничений в пространстве и времени, “заочная” – несвободная и ограниченная жизнь “полового” и “производственного” социального животного.⁷ История Европы и Земли движется к гибели именно потому, что имеет “заочный”, потребительско-паразитический характер, по Платонову, как и для Достоевского – это торжество “пищеварительной философии”, где “мысль подчинена брюху” (II, 142).

Путь европейской истории осмыслен Платоновым в статье “Прямой путь” (1920). Погружаясь в недра спора с обвинениями Красной Руси в вандализме со стороны “капитала”, Платонов использует газетную риторику того времени, но сквозь нее проступают все те же идеи губительности построенного людьми на земле царства смерти, засорения планеты “мусором” и “прахом”, уподобления окончания пути европейской цивилизации смерти тяжело больного человека. От неверной установки человека, стремящегося взять и истратить как можно больше энергии от других людей и у планеты (“пожрать”) возникает ситуация “земля в крови” (II, 58), ставшая финальным мотивом рассказа “Мусорный ветер”. Западная Европа живет не во имя культуры (понятой здесь как культура энергетического обмена между человеком и Вселенной) и правды, но “во имя своего желудка” (II, 58). Акцент на убаживание плоти, лежащий в центре европейской системы ценностей, Платонов считал грубой ошибкой, которая вскоре приведет к гибели всего живого, произойдет своего рода энергетическое короткое замыкание, чреватое остановкой времени и превращением человека в деградирующее до червя животное. Земля, по которой ветер гонит сор и прах, пропитанная кровью праведников – символ, который оказывается затем центральной смысловой осью рассказа “Мусорный ветер”

⁷ Ср.: “Как заочно живущий, Воцел гулял мимо людей” – А. П. Платонов, Котлован // Андрей Платонов, Повести и рассказы (1928-1934), М. 1988, с. 129. Цитаты из романа “Котлован” приводятся по этому изданию – К. далее номер страницы.

Мироздание по Платонову целенаправленно принимает ту или иную форму, каждый раз обращаясь в ту или иную модель культуры. Человек – культуротворческое существо, самая жизнь которого отливается в виде системы созданным им “вещей” – следов действия управлявшей им “сокровенной” энергии творчества. Высшая цель человека и человечества – благо, но оно невозможно в рамках ограниченного времени существования человека. Два типа блага борются между собой: 1) индивидуальное (“личное”) и сиюминутное благо (деньги), и 2) всеобщее и вечное благо, связанное с преодолением ограниченного “сегодняшнего” человека. Стремление к деньгам Платонов называет основной линией развития человечества, называя это “линией наименьшего сопротивления” (II, 100). Это благо “легко достижимое” и непрочное. Для реализации блага № 1 – нужна развитие животных качеств в человеке. Для реализации блага № 2 нужны качества всеобщие, истинно человеческие, нужна работа сознания и подвижнический труд. Но люди перепутали и решили наслаждаться “небесным блаженством” прямо на земле – это самая тяжелая ошибка человечества. “Многие погибли на этой дороге, но кое-кто и добрался до “неба земли” – богатства, уединился там и начал наращивать свои силы” (II, 100). Своей жизнью человек может распорядиться по одной из двух названных моделей: как личным достоянием, истратив его на наслаждения, или как общим достоянием, принадлежащим всему Миру. Официальная религия связала, высшие цели человечества и его денежные интересы, этого Платонов как русский интеллигент простить ей не может.

2. Платоновский пролетарий: сопротивление энтропии

В статьях Платонова 1920х гг. зародилась основная тема его будущих художественных произведений: телесный “общественный” человек Старого мира может спастись, однако он должен преодолеть себя самого, двинувшись к энергетическому совершенству, путь к которому проходит через преодоление своей животности и самопожертвенное вложение личной жизненной энергии в вечное “вещество” Земли. Парастание в мире энтропии и само существование смерти есть прямые следствия пассивности человека, до сих пор не желающего отказать от своей животно-пищевой природы. Политические события в XX веке свидетельствуют о том, что вместо того, чтобы противодействовать тотальной энергетической катастрофе, ожидающей наш мир, человек делает все, чтобы ее еще более приблизить.

Пронсходящее касается не только Германии, места действия “Мусорного ветра” – речь идет о всемирном процессе нарастания “мусорности”, энтропии, резкого падения энергетики Земли. Платоновский “ветер” лишь актуализирует пустоту сжимающегося пространства, усиливает свою энтропийность, губящую человека и все живое: “В пространстве шел ветер с юга, несая из Франции, Италии, Испании житейский мусор и запах городов, остатки взволновавшего шума, обрывающего голос человека...” (МВ,300).⁸ Еще в 1920 году Платонов сформировал эту концепцию засоренности Мироздания “прахом”, который необходимо не просто расчистить, но – преобразовать тем или иным способом в созидательную энергию. Первое, что нужно сделать, это подготовить, расчистить место для строительства нового мира, убрать “мусор”, покрывающий землю – “мир стал обреченным на уничтожение” (II, 61). Затем добиться, чтобы каждое движение человека в мире стало творческим ответом на вопросы, которые ставил перед ним факт его бытия на земле, стараясь при этом не просто сопротивляться смерти, но готовить собой новую преображенную плоть для вечной жизни. В статьях Платонова 1920-х гг. постоянно повторяется мысль, любезная концепции Просвещения, о том, что руками человека можно “все сделать и изменить на земле” (II, 129).⁹ С этим связана и платоновская критика цивилизации – культурной модели западноевропейского типа. По мнению Платонова в конце извилистого и ложного пути, которым идет Западная Европа, её ждет “яма и смерть” (II, 58). “Яма” и “смерть” облекаются здесь значением апокалиптического финала. Этот символ “ямы-смерти”, которой оканчивается окончательное истощение ресурсов земли, присутствует не только в “Мусорном ветре” (где именно в такой “смертной яме” гибнет палач – офицер из зондер-команды), но и в “Котловане”: правда, здесь он оказался в конце пресловутого “прямого тяжелого пути”, на котором в юности настаивал Платонов и который в рамках провозглашенной им Энергетической утопии, должен был окончиться “светлой целью” (II, 58).

Один из главных видов энергии, доступных человеку и родственных Космосу, является любовь, трактованная Платоновым не как чувство, но как тип мироотношения: “Не покорность, не мечтательная радость и молитвы упования изменят мир, приблизят царство Христово, а пла-

⁸ Мусорный ветер // А. П. Платонов, Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж 1982, с. 300. Цитаты из “Мусорного ветра” А. Платонова приводятся по этому изданию, далее – МВ, номер страницы.

⁹ Статья “К чествованию героев труда”. 1920 год.

меньший гнев, восстание, горячая тоска о невозможности любви”, которые, в конце концов и станут любовью – перейдут в любовь, “ту любовь, ту единственную силу, вторящую жизнь, о которой всю жизнь говорил Христос и за которую пошел на крест. Ве вялая, бессильная, бескровная любовь погибающих, а любовь – мощь, любовь – пламя, любовь – надежда, выплывшая из пропасти зла и мрака – вот какая любовь переустроит, изменит, сожжет мир и душу человека” (II. 51). Освоение Вселенной невозможно без объединения энергии людей, живущих на Земле, и такого рода энергией Платонов еще в статьях начала 20-х гг. признавал любовь. Однако сегодняшнее состояние человечества таково, что, даже если бы “вселенная стала доступна, люди в первый же день разбежались бы друг от друга и стали бы жить в одиночестве...”, – размышляет герой “Мусорного ветра” (МВ, 305).

Эта же тема, в том же характерном символично-стилистическом обрамлении, звучит в описании пустой церкви в романе “Котлован”. В своем протесте против “религии смирения” Платонов, в статье “Христос и мы”, почти буквально повторяет “бунт” Ивана Карамазова против Бога с позиции этического абсолюта (“Братья Карамазовы” Ф. М. Достоевского), во-вторых, открыто переводит известную доктрину “народа как тела Божьего” (свойственную и “почвеннической концепции” Достоевского) на язык антропософии в духе Р. Штейнера. Платонов здесь формулирует, казалось бы, старую мысль о народе как теле Божьем, однако оформляет ее, наполняя новым значением старые и тяжкие термины исторического материализма: “социализм” – вечная жизнь человека в преображенном энергетически состоянии, “пролетариат” – это лучшая часть человечества (“мессианский народ”) и подлинное место жизни Христа, но лишь потому, что все остальное уже давно мертво и не способно спасти ни себя, ни, тем более, погибающий мир.

Сытому обывателю – толпе “ежедневно питающихся ветчиной” – противостоит творческая сила человека, сосредоточенного не на плотской пище, но на отчетливом контакте с энергетикой Вселенной и готовом работать не ради, но ради истины (описанная здесь модель “пролетариата”, конечно, не имеет ничего с моделью Маркса или Ленина и принадлежит целиком и полностью только системе поэтического языка Платонова). В человеческом обществе так же как и в неживой природе продления биологического тления, есть расслоение на энергетически ценные и энергетически пустые слои. Подобно тому, как почва находится в числе плодородного энергетически содержательного слоя, таким слоем в социальной массе для Платонова была творческая интеллигенция – “пролетариат”. “Неском” социального общества жадно и бесплодно впи-

тывающий в себя энергию окружающего мира, а впоследствии – и кровь Лихтенберга, оказывается Папкин (“Котлован”), нацисты (“Мусорный ветер”): “Кто же кормил их пищей, одевал одеждой и спабжал роскошью власти и праздности?... Где живет пролетариат? Или он уже истомился и умер, истратившись в труде и безвестности...” (МВ, 299). Это наиболее энергетически содержательный слой человеческой массы, который “содержит этот мир”, описан как “бедный, могучий и молчаливый” (МВ, 299), ассоциируясь с жизненной силой Матери-Земли.

В статье “Будущий октябрь (дискуссионная)” Платонов ставит вопрос о равенстве в условиях будущей Соборной жизни человечества и сохранении в этих условиях личной индивидуальности. Эта статья свидетельствует о беспочвенности обвинений Платонова в защите им марксистско-ленинской социальной революции. Само название статьи указывает, что нынешний “Октябрь” молодого Платонова категорически не устраивает. Во-вторых, вся логика его рассуждений диаметрально противоположна канонам исторического материализма, оказываясь очередной проповедью Новой религии, отменяющей и “стеклянное христианство” (В. Розанов), и коммунизм, понятый как “улучшение условий социальной жизни”. Ряд произведений Платонова формирует жестокое столкновение между носителями его Новой религии и стандартного, официального коммунизма (напр., “Шарманка”). В статье “Будущий октябрь” Платонов вскрывает основу этого противостояния, разрабатывая парадигму, которая затем легла в основу художественной формы многих его произведений. За этими, казалось бы, утопическими пассажами писателя скрывается реальная мысль, имеющая свою логику и свое экзистенциальное оправдание. Энергетический собор Платонова, казалось бы, предстает перед нами как классическая утопия, которая была затем реализована в романах “Котлован” и “Чевенгур”. Однако возможность энергетического и этического равенства между людьми в условиях старой “денежной культуры”, культуры “мусорного ветра”, Платонов не допускал. Такого рода полноценный и адекватный диалог возможен лишь между новыми, преображенными людьми, освобожденными от нынешних социально-общественных ограничений, рабов и позиций, поэтому пресловутое “равенство” оказывается возможно лишь “вне производственной жизни” (II, 118). Поскольку по истмату никакой другой жизни, кроме производственной, нет, то ясно, что этот тезис идет вразрез с каноническим марксизмом. С другой стороны вопрос о равенстве Платонов называет “принципиальным” и считает, что в будущей Новой культуре оно будет выражаться только в “исключительные моменты общественной жизни – в празднествах, в научных коллек-

тивных победах, в искусстве” (II, 118). В обыденной жизни равенство недостижимо и даже опасно, считает Платонов. Если Шигалев в романе Ф. М. Достоевского “Бесы” провозглашает во имя равенства: “гения в младенчестве задуним”, то у Платонова эта же тема решается положительно прямо противоположным способом, гений должен встать во весь рост в Новом Эдеме преображенного человечества.

Новый Адам этой будущей гармонии, “творец-пролетарий”, о котором говорит Платонов в целом ряде своих статей, отличается следующими качествами: он молод,¹⁰ не покрыт “коркой ржавого меншавства” (очевидная параллель аналогичному пункту эстетики символистов и футуристов), свободен и талантлив (сказывается антиэлитарный характер миропонимания писателя), лишен прочных связей с вещным миром (“беден”). По Платонову, любой человек талантлив, поскольку в каждом заключена более или менее реализуемая частица энергии абсолютно талантливой космической энергии творения, заложенной в каждой частице “вещества мироздания”, однако знают об этом, или, тем более, пользуются этим, не все. “В каждой, даже самой забитой, ничтожной душе скрыты бесконечные возможности развития” (II, 42), но об этом есть смысл говорить лишь в случае, если человек бессмертен, стало быть – он бессмертен, ибо в природе ничего без следа исчезнуть не может,¹¹ не раб своей животной физиологии, выражающейся двумя основными способами: 1) повышенное внимание к пищевому питанию своего тела, 2) сексуальная увлеченность (половое размножение, несущее смерть и противостоящее рождению Нового Адама).

Платоновский “пролетариат” – единственная спасительная сила, реально идущая в фарватере идеи Христа о победе жизни над смертью. Отсюда ясно, что “красный солдат выше святого” (II, 51),¹² в то время как, параллельно религии “святого осатанения” М. Бакунина, настаивавшего на положительном значении пресловутой “классовой несправедливости”,

¹⁰ Стандартная позиция для социальных революционеров всех времен. П. Ткачев даже предлагал в 1860-ые гг. вступая в новую революционную эру, уничтожить всех людей старше 27 лет – для освобождения нации от предрассудков, свойственных людям более старших поколений. Обратив внимание, что именно этот возраст – 27 лет – оказался предельным для ВПКСМ в сталинско-брежневской модели социализма.

¹¹ Доказательства необходимости бессмертия человека как условия существования морали Платонов находил в произведениях Ф. Достоевского, В. Соловьева, а также П. Федорова и Р. Штейнера.

¹² Ср. трактовку темы служителя революции как “апостола” в “Двенадцати” А. Блока.

Платонов парадоксальным образом соединяет Бакунина и Христа, однако при этом “праведный гнев” его “пролетариата” оказывается выражением любви, сродни состоянию Христа, выгоняющего из храма торговцев: “Пролетариат... полон гнева... этот гнев выше всякой небесной любви, ибо он только родит царство Христа на земле” (II, 51). Выпады писателя против ортодоксального христианства – стандартная деталь мирозерцания русского интеллигента конца XVIII-начала XX вв., заставляющая вспомнить о Н. Радищеве, П. Чаадаеве, Л. Толстом, мыслителях “Серебряного века”. Но есть и оригинальные черты. Но Платонову, живой Христос искажен и оболган, не понят и осмеян, но воплощенная в нем победа жизни над смертью (“смертью смерть попра”) оказывается атрибутом “пролетариата”, чем, собственно, и оправдывается его мессианское назначение – “не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело – и он жив в нас”, “мы знаем его как своего друга” (II, 51). Помимо толстовской “Исповеди”, здесь слышны и протесты героев Достоевского, и розановские мотивы, поиски новой формы евангельского переживания. Путь человечества к спасению лежит в практической реализации заповеди Христа о необходимости победы жизни над смертью, которая посильна лишь платоновскому “пролетариату”.

Представление о платоновском “пролетариате” как странной смеси “натурального человека” Руссо и марксова “мессианского класса” верно – но лишь отчасти. На самом деле, человечество для Платонова делится на два класса – но совсем не по истмату, а прямо противоположным образом, заставляющим вспомнить о “почвенничестве” Ф. М. Достоевского и П. П. Стрехова. Но Платонову, оказывается кстати для Космоса только “человек, живущий в согласии со своими природными законами (стремлением к истине, красоте, труд, радость, развивающее чувство радости...)” в то время как способствует ускорению энтронии “человек, искаживший, уничтоживший в своем существе эти законы” (II, 39). Другими словами, столкнулись, отлитые в форму энергетических плюса и минуса “добро” и “зло”, помимо описанных Марксом законов “экономического развития” эти две инстанции “столкнулись в смертельной схватке” (II, 39). Вопреки тезису, развиваемому Пролеткультом, о вырождении искусства в промышленный дизайн, в сознании Платонова формируется представление о космической энергетике “растущей жизни”, которая имеет множество проявлений, одно из которых – искусство – “самое дивное, само красивое, самое могущественное проявление растущей жизни” (II, 39), и оно принадлежит “пролетариату” – энергетическому мессии, новому “телу Божьему”, который может остановить гибель жи-

вого в Земле, поскольку только он сохраняет в условиях пастушества тотальной смерти, стремлением к “благу и жизни” (II, 127).

Необходимость переделки плоти земного нара естественно выходит из констатации невыносимости для планеты нетворческого, паразитического и рабского состояния живущего на ней человека.

В статье “Ремонт земли” (1920) Платонов отказывается от прежней трактовки планеты как конгломерата химических веществ, простого космического тела, снова актуализируя мысль Штейнера о тотально живой плоти нашей планеты: “Что такое земля? Земля это весь мир, с папьями, цветами, людьми, реками, облаками. Земля – это то, откуда мы вышли и куда мы уйдем, где мы живем, радуемся и боремся. Так думает народ” (II, 49). Богдановская “тектологическая” идея перекрепчивается с бердяевским требованием творческого участия человека в Творении, на этой базе формируется платоновская идея земли-машины, которая постоянно “требует ремонта, исправления, возобновления свежими силами, которые она отдает на производство растений” (II, 49). В этой статье Платонов дает ключ к описанию начала строительства “Котлована”, когда рабочие уничтожают почвенный слой земли и вместе с ним – “тысячи былинков”, составляющих прямое выражение и часть глубинной энергии Земли и которую, фактически, подрывают строители, желая ее увеличить. В статье “Ремонт земли” Платонов описывает модель, близкую к концепции “поосферы” Вернадского: продолжая выстраивать культуру, ориентированную на подрыв энергии мироздания, уничтожая на Земле живое, растения и животных, человек подрезает сук, на котором сам сидит, ибо отнимает у планеты жизненную силу, которой питается, от которой сам зависит.

Узко понятую концепцию земли-машины – “машины вырабатывающей продукты питания” (II, 49) – Платонов передает в “Котловане” “профулномоченному”, к этому времени писатель окончательно преодолевает остатки потребительского отношения к земле. К началу работы над “Котлованом” его точка по этому поводу гораздо ближе к Штейнеру, чем к Марксу. Процесс энергетического взаимодействия человека и земли в статье “Ремонт земли” описан как диалогическое отношение, оказывающееся единственным существенным фактором для жизни: “человек питывает ее своим трудом, а она возвращает его с большим излишком” (II, 49), благодаря этому и процветает на земле жизнь. Причем не только в смысле плодородия почвенных слоев земли, но и в положении на нем человека, который также по Платонову “растет” из земли, и, по мере увеличения интенсивности энергетического обмена с Землей, “растут и совершенствуются силы человека” (II, 49).

В этой статье особенно ясно звучит тема, которая была положена в основание романа “Котлован”. Специфический “земельно-энергетический” аспект этой темы, сформулированный в этой статье, лег в основание чиклишской идеи об отсутствии резкой черты, отделяющей живое от мертвого, становясь основанием для онтологической надежды человека на спасение. Эксплуатация человека человеком и человеком – земли истощила силы Мироздания и поэтому Земля и человечество впадают в “замусоренное” состояние, при котором энтропия доходит до своего предела, время замедляется, энергетика “вещества мироздания” доходит до критического состояния. В этом смысле семантические поля “Котлована” и “Мусорного ветра” совпадают, становясь фоном для строительства сюжета огеронических усилий одиночки на фоне тотальной гибели Земли от энергетического истощения.

Это губительное истощение по мнению Платонова коснулось всего, что состоит из “вещества” земли, сама же “земля страшно истощилась, обеднела живительными силами”, из “промышленных машин”, также являющихся важными естественными частями общей энергетики планеты, “тоже непрерывно выкачиваются силы”, отсюда же истощены биологические силы человечества, обреченного на рабство, крестьянин, который своим родом своей деятельностью имеет прямое отношение к земле, остался “брошенный один, без знаний, без поддержки, темный и несчастный” (П, 49). Гибель планеты здесь становится реальностью, вызываясь резкими, катастрофическими изменениями в свойствах пространственно-временного континуума, в котором вещество является формой энергии – при потере одного, теряется и другое. Энергетический апокалипсис, который неизбежен в этих условиях, по мнению Платонова, происходит потому, что “земные силы никто не пополняет (разве только небо, но на него надежда плоха)...” (П, 49). Вывод писателя: земля устала, но ее могут “отремонтировать”, возродить к жизни, преобразовать платоновский “пролетариат”, который суть тело Христа, “крестьянин и рабочий”, творческий потенциал Земли может быть постепенно увеличен, но лишь усилиями земледельцев, понятых в широком смысле, ведь это “первые люди и все в их власти”, – подчеркивает писатель (П, 50). Символом этого истощения называется “дряблая пания”, которая требует вложения в нее личной энергии жизни со стороны лучшей и главной части человечества – рабочего и крестьянина. Таким образом в статье “Ремонт земли” и в других ранних статьях Платонова формируется смысловая каша будущего романа “Котлован”

Поскольку “благо” и “жизнь” не два, но суть принципиально одно, ясно, что речь идет о новой совершенной форме жизни, которая, конеч-

но, не может быть случайной и временной, кончаясь ничем. Отсюда начинаются проблески вопроса о бессмертии, или, лучше, вопроса о способах оправдания человека в его контакте с миром, придания его положению в мире вечный и абсолютный характер. Мысль, что специфическая спасительная функция “пролетариата” связана с его потенциальным “бессмертием”, встречается и в ранних статьях писателя. Подспудно, рассуждая о мелиорации и воссоздании новой Земли, Платонов думал и о бессмертном пролетарии. Эта мысль постоянно находилась “за кадром” всех его рассуждений о преображенной Земле и преображенном человеке, однако в эпитафии к статье “Огни Волховстроя” он позволил себе процитировать “Записки главного инженера Г. И. Графтио: “Сооружение Волховской силовой установки. ... создаст трудовую армию в 1 200 000 человек, бессмертную...” (П, 227).

Человек рожден, чтобы принять участие в деле творения мира, не может оставлять свое предназначение, в этом смысл и оправдание его существованию, следовательно – путь к спасению. Пролетариат – энергетический класс человечества, единственный разряд людей, которые отдают миру больше, чем берут у него, это хранители энергии Мироздания и подлинные дети Космоса (“Потомки Солнца”). Проследим, как развивается эта мысль от статьи к статье А. Платонова. В своей рецензии на сборник молодых писателей он указывает: “Чаще и чаще появляются эти огненные знаки стремления пролетариата к творчеству прекрасного... И он идет, этот художник, любящий и внимательный, гордый и добрый, вождь и пророк” (П, 37). Творчество – атрибут платоновского “пролетариата”, очевидно, что это слово наполнилось у писателя живым и своеобразным смыслом. На этот смысл косвенным образом указывает, что именно поправилось Платонову в сборнике, и он сочувственно цитирует стихотворение В. Буречарского “Ураган”: “Все живое будет живо, / А отжившее – мертво”. Борьба живого и мертвого – доминанта начального периода творчества Платонова, пока лишь намек на будущую антитезу энергия/пустота, свойственную его миропониманию в более поздние годы. “Мы ведь не животные, – говорит один из платоновских “пролетариев”, спасителей Мира, герой романа “Котлован”, – мы можем жить ради энтузиазма” (К, 137). В статье “Культура пролетариата” (1920) Платонов формируется мысль об особом образом организованном пространстве, которая легла в основу “Котлована”.

Спасение человечества и будущность людей на земле зависит поэтому от решения вопроса о том, “возможна ли новая пролетарская культура на земле и какая она будет” (П, 99) Мессия-пролетариат К. Маркса неожиданно осмыслен у Платонова как мессия, тело Христа-

домостроителя, сонм святых, переживающих период приближения Апокалипсиса. Подготовка к будущему воскресению – основа их мессианской задачи. Повествователь, сопереживая Чиклину (“Котлован”), называет это творческое начало “пролетарским талантом”. Критикуя прибывшее пополнение для бригады строителей, он отмечает, что “в их теле не замечалось никакого пролетарского таланта труда, они более способны были лежать навзничь или покоиться как-либо иначе” (К, 144). В “Мусорном ветре” такого рода “пролетариатом” оказывается четыре героя: это “физик космических пространств” Лихтенберг, молодая коммунистка Ядвига Вотман, товарищ Лихтенберга в концентрационном лагере и дерево на городской улице, с которым беседует главный герой. “Капиталом” же оказываются все остальные – нацисты, судьи в концлагере, его жена Зельда, полицейский, который поедает мясо из тела Лихтенберга, предназначенное для спасения женщины с умершими детьми.

В рамках зарождающихся представлений о совокупной жизни человечества в Космосе, Платонов пытается осмыслить формы анонимно-коллективного творчества, причем собор пролетариата он представляет себе как единую коллективную индивидуальность. “Творчество... в древнейшее время чудной юности человечества было плодом художника без имени...” (II, 39). Традиционные пролеткультовские концепции искусства так же далеко отстоят от идей Платонова, как и его соборное творчество человечества в Космосе – от идей первых пятилеток. Условием спасения оказывается творческое единство, которое немислимо без прямой энергетической связи человека с единственным основанием такого объединения – энергетически цельным Космосом. Искусство оказывается не столько видом деятельности человека, сколько указанным направлением творческой активности человечества, объединяющегося на новом уровне соборности, где основания моральной силы заключены не в умозрении, но в самом веществе, из которого состоит и тело человека и сама планета Земля. Искусство по Платонову – это не процесс создания “произведений искусства”, но особый тип взаимоотношения человека и мира. В нем участвуют энергетические силы природы и человека, который есть часть природы и, одновременно, творческая часть, относительно свободная, которая в состоянии контролировать прикосновения природы к себе, управлять этим процессом. В основании же всех движений человека в мире, включая и творческие, и социальные его устремления – присоединение к космической энергии (или отказ от этого присоединения) “Искусство, вообще говоря, есть процесс прохождения сил природы через существо человека” (II, 40).

“Земельная тема” активно осваивается Платоновым и в статье “Последний враг” (1920), посвященной, казалось бы, исключительно внешнеполитическим проблемам Советской Руси, как, по аналогии со Святой Русью”, подчеркивая сакральный характер “революции”, любил называть страну молодой Платонов. Последним ее врагом объявлена Западная Европа, причем “священная война” против капитализма заменяется Платоновым совершенно другим: проблемой освобождения земли – от низкого энергетического состояния, “мусорной” напасти. Предвосхищая проблематику рассказа “Мусорный ветер”, Платонов выстраивает следующую логическую цепь:

на земле идет война между “золотом и насилием” и “рабочей правдой” (ряд параллельных оппозиции “время, смерть, производство, энтропия” / “вечность, бессмертие, нетина, высокая энергия творения”).

война идет вовсе не за раздел сфер влияния (трактовка западной прессы) и не за “победу мировой революции” (трактовка политизированной европейской прессы), но – за “расчистку просторов земли”, земля истощена энергетически и, возможно, труп противника будет адекватным удобрением для земли, истощенной насилием этого противника, земля понимается как живое существо-вещество, признаком тому является мысль: рабство земли под господством-человеком будет преодолено, а тем самым будет преодолено и рабство самого человека,

спасение земли и спасение человека – две стороны единого процесса, которые нельзя отрывать друг от друга: “Земля – еще раба, и человек на ней – худший из рабов, ибо он вершина жизни, ее создание и душа. Нет большего позора, как быть рабом” (II, 47).

Платоновская концепция “пролетариата”, не имея никакого, кроме названия, отношения к марксизму, описывает, по сути, абсолютное эколого-энергетическое общественное существо, прочно связанное с Космосом, не ограничивающим его волю, но требующим от него активности на благо спасения мира от энтропии. Платоновский пролетариат фактически не противостоит “буржуазии” (вопреки определенной риторической схеме, которая легко вычленивается из текстов Платонова), но представляет собой наиболее творческую, следовательно – лучшую часть человечества: “Пролетарское искусство отражает в себе все человечество в его лучших устремлениях и создается оно также всем человечеством...” (II, 39). Взгляды Платонова резко расходятся с принципами ему Пролеткульта, но зато хорошо сочетаются, например, с Лесфом. Фраза: “...пошное, злое, мелкое, враждебное жизни не будет

иметь места в пролетарском, общечеловеческом искусстве”, - могла бы исходить из уст В. Маяковского (II, 39). Основное стремление человечества в его исторической направленности – стремление энергетически (а, значит, и вещественно) слиться со всей вечной Вселенной. “Пролетариат” здесь оказывается чем-то вроде монашеского ордена, который, борясь со внутренним и внешним сопротивлением, стремится сделать это: “охватить, понять, подчинить мир во всей его бесконечности, во всем переливчатом многообразии и многокрасочности...” (II, 39).

Этот зарождающийся мотив вливания жизненных сил человека в общее русло течения космической энергии встречается затем во многих произведениях писателя, например, в “Котловане”, в “Сокровенном человеке” (финал повести). Машина, являясь одним из звеньев космического взаимодействия энергий, вовсе не противостоит человеку, по оказывается его соратником: “станки и мастерские научили человека вливать свои одинокие силы в мощный поток организованных усилий...” (II, 39). Человек, ограниченный во времени, не может полноценно соответствовать потребностям вечной Вселенной. Поэтому бессмертие оказывается условием правильной энергетической расположенности человека в Космосе. С другой стороны, не может быть “бессмертной части” человечества и другой – “смертной”. Человек у Платонова выступает всегда как тотальный Человек, отвечающий за все живые существа во Вселенной, но не только даже близких и родных или “товарищей по классу”. Парадигма его героев выстраивается относительно соответствия или несоответствия этому идеальному абсолютному существу, индивидуальность которого – ничто, если она отрицает чью-либо другую индивидуальность. Отсюда бессмертие человека намечено у Платонова в виде собора этически совершенных людей, в котором только и возможно преобразование дух и плоти человека, отныне неподвластных простому физическому истреблению: “Вместо жалкой телесной личности, которую любая большая собака могла отправить в “Лопо Авраама”, вырастает личность великая, духовная, общественная, видящая в другом человеке самого же себя и любящая поэтому каждого человека как самого себя” (II, 39).

Подобным же образом трансформируется у Платонова и понятие “революция”, которая все менее и менее похожа на социальный переворот и все более – на космическое явление, в котором человек угадал волну Небес. По его мнению, революция подразделяется на два этапа: 1) “смести с лица земли все злое и гадкое”, 2) строительство “прекрасного и доброго” (по-видимому, в рамках пресловутой “тектологии” А. Богданова). Для нас важно, что ценность революции, особенно на втором

этапе, заключается в телеологическом слиянии тела и души человека с телом и душой Вселенной: “Сейчас начинается созидание, воплощение на нашей планете великой человеческой мечты” (II, 38). В свою очередь, деятельность Платонова, принявшего самое искреннее и героическое участие в этом деле, можно разделить на два этапа: 1) создание “энергетической концепции”, управлявшей далее всей его жизнью и творчеством и попытка непосредственно применить ее в деле социалистического строительства и в печатном слове (работа его в советских структурах в роли землеустроителя и инженера-электрика), до 1926 года, 2) описание глубокого кризиса, который постиг Землю именно из-за срыва усилий людей, готовых поддержать энергетику Космоса и личными усилиями преобразовать Землю (Чиклин, Альберт Лихтенберг и др.), после 1926 года. Различие между этими этапами заключается в оптимизме или в пессимизме Платонова по поводу участия в этом энергетическом преобразовании Вселенной нынешним поколением, сама же вера в этот “принцип” оставалась неизменной.

Существуют, правда, трактовки творчества Платонова, в которых недооценивается “энергетический принцип” А. Платонова, это приводит к утверждениям типа: “Техническая трансмутация... по сути, уподобление Человека Машине и станет тем рычагом, при помощи которого можно изменить вселенную”.¹³ Но человеческая индивидуальность для Платонова – естественна и актуальна для Вселенной, без которой ей никак не обойтись, скорее наоборот, можно было бы сказать об уподоблении машины человеку, примеров такого одушевления машин в произведениях Платонова – множество. Поэтому весьма сомнительно утверждение П. П. Хряцовой, что Платонов был сторонником замены живого сознания человека мертвым интеллектуальным ресурсом, чуждым индивидуальности.¹⁴ Такого рода исследовательские трактовки отрицают “энергетическую революцию”, о которой писал Платонов в своих ранних статьях, однако на наш взгляд, эти тексты открывают новые ресурсы для точного понимания художественной символики зрелого периода творчества писателя.

¹³ П. П. Хряцева, “Кипящая вселенная” А. Платонова (Динамика образотворения и миропостижения в сочинениях 20-х годов). Екатеринбург-Стерлитамак 1998, с. 50..

¹⁴ “Выстраивая свой проект переоборудования Земли, Платонов делает ставку на технику не только в плане ее способности... заменять руки человека... его интересует процесс Технизации человеческого сознания”. П. П. Хряцева, “Кипящая вселенная” А. Платонова (Динамика образотворения и миропостижения в сочинениях 20-х годов). Екатеринбург-Стерлитамак 1998, с. 50.

Обдумывая в рамках своей “новой религии” возможные формы соборного единения людей, Платонов указывает на главное препятствие в укреплении связи “человек-земля” – это стоящая стеной между ними “вещь”, продукт промышленной цивилизации, настаивающий на резкой грани, отделяющий одного человека от другого и их обоих – от Мироздания. Эта мысль актуализируется в статье “Новые братья” (1920). Человек может достичь абсолюта в творческих усилиях, лишь в состоянии свободы для соучастия в деле Творения. Поэтому смысл настоящей эпохи Платонов рассматривает как освобождение “человечества от всякой насильнической, зверской власти вещей над человеком” (II, 55). Мертвый ветер песет по миру прах и пыль бесследно исчезающих человеческих жизней, превращаясь в тот самый “мусорный ветер”, который стал главной темой одноименного рассказа писателя. Главной вещью, которая заслоняет от человека землю как неиссякаемый источник энергии и жизни, стали деньги, это, по Платонову самый трудный “предмет”, активно мешающий возрождению Земли.

Желтый цвет золота становится у Платонова цветом тления и смерти, писатель не жалеет даже церковные купола, покрытые этим пепавиственным ему веществом. По его мнению, Европа “до конца”, то есть смертельно заражена “Золотом” (II, 55). Такой перекоп в энергетическом состоянии мира оказывается слишком тяжелым бременем, и потому, по мнению Платонова неизбежно “время, когда породы, классы, нации, как бы они не назывались, сойдут с земли. Останется одно человечество...” (II, 49). Мы видим, что от статьи В. Ленина “Государство и революция”, очевидно инспирировавшей рассуждения Платонова, мало что остается: общественно-политический фактор заменяется фактором морально-энергетическим, марксово бесклассовое и безнациональное общество здесь неожиданно обращается в нечто, напоминающее собой штейнеровскую концепцию “земли-человечества”, сливших свои “жизненные тела”, живущих естественной для обеих общей жизнью.

Проблемы перераспределения энергии Вселенной постоянно волновали писателя.¹⁵ В список основных авторов, тексты которых осмыслил А. Платонов на пути к созданию единой энергетической концепции человека и Космоса необходимо прибавить Рудольфа Штейнера, автора

¹⁵ Е. Яблоков доказал, что Платонова интересовала концепция Ари Бергсона о перераспределении энергии Вселенной (А. Бергсон, Творческая эволюция, М.- СПб. 1914, с. 103-104). См.: Е. А. Яблоков, Комментарий к роману “Чевенгур” // А.Платонов. Чевенгур. М. 1991, с. 537, 610.

гипотезы о “живой Земле”, обладающей к тому же единым с человеком “астральным телом”, которая произвела на А. Платонова особенно глубокое впечатление.¹⁶ Все эти названные и неназванные труды философов и публицистов сформировали в сознании Платонова устойчивое представление о безграничных энергетических возможностях человека, обеспечивающих возможность телесного преобразования в бессмертное существо, и, одновременно, вероятность деградации, по прямо противоположному пути, в животное с низкой энерго-вещественной организацией. Здесь сформировались условия для строительства хронотона “Мусорного ветра”: этико-энергетические отношения людей между собой оказывают влияние на биолого-физиологическую природу человека, становящегося жертвой энергетического голода (“пустоты”, “мусора”, “скуки”). Причем, этому подвержены отнюдь не все люди, но лишь те, кто отказался от хищной позиции по отношению к миру, им дарована возможность органического соответствия Космосу, здесь заключена перспектива преобразования духа и плоти, но здесь коренится и возможность деградации того и другого. Эти человеческие существа – своего рода предтечи Нового Адама, и у них способность к воспроизводству энергии развита настолько сильно, что их организм меняется в зависимости от характера устанавливаемых в действительности отношений. Обычный человек, “обыватель”, лишен этой способности, и он может жить в совершенно иной реальности. Он настроен на потребление и удержание в себе чужой энергии, в то время как “энергетический пролетариат” Платонова – на производство личными усилиями энергии и передачи ее другим людям, и, наконец, конечной инстанции – Земле, “веществу существования”.

Та же мысль о целенаправленном изменении теряющей свою жизненную силу Земли содержится в статье “О науке” (1920). Актуализируя

¹⁶ Книги Р. Штейнера, широко распространенные в России: Посвящение и мистерии, М. 1918; Умирание земли и жизнь мира. Семь лекций д-ра Р. Штайнера, Б. м. 1918; “Отче наш”, М. 1917; Истина и наука. Пролог к “Философии свободы”, М. 1913; Мистика на заре духовной жизни нового времени и ее отложение к современным мировоззрениям, М. 1917; Очерк тайноведения, М. 1916; Из летописи мира, М. 1914; Мистерии древности и христианство, М. 1912; О человеческой ауре, В 3-х тт. СПб. 1911; Путь к посвящению или Как достигнуть познания высших миров, Калуга 1911; Путь к самосознанию человека в восьми медитациях, М. 1913. (М. 1991); Р. Штайнер, Духовное водительство человека и человечества. Д-ра Рудольфа Штайнера. Пер. с нем. В. м., б. г.; Сущность искусств. Стенографическая запись лекции, прочитанной 23 октября 1909 г., М. 1917. Большое впечатление, под которым находились от концепций Р. Штейнера русское общество в 1910-1920-ые гг. описано его учеником, А. Бельям. См.: А. Бельям, Воспоминания о Штайнере, Paris 1982.

мысль о “земном происхождении” человека, Платонов далек от идеалов гуманизма, сосредотачиваясь на концепции спасения человечества от царства смерти как проявлении энергетического голода. Описание роли человеческой мысли в Мироздании – еще одно “оправдание человека”, которое предпринимает Платонов в своих ранних статьях. Наука, по Платонову, это лучшее проявление мысли, а именно мысль выделяет человека из ряда всех других “существ земли” (II, 52). Если высшее выражение энергии мироздания – это любовь, а мысль – сгусток “энергии вселенной”, то, естественно, что в науке Платонов видит главное основание для любви человека к своей планете как родственной ему части мироздания: “Наука же, падежда на нее воспламенила в людях любовь к существованию, к зеленой родной земле” (II, 52). Наука, понятая как любовь – это, разумеется, уже наполовину религия. В дальнейшем Платонов выйдет к формированию своей “новой веры” – религиозно-философской концепции всеобщего братства на основе спасения мира и человека от энергетического голода. Пока же он только примеривается к этой идее, декларируя свою “науку” как воплощенную в систематической форме любовь человека к “веществу мироздания”. Любовь к миру отождествляется в этом контексте с любовью к земле.

Эту любовь Платонов пытался вывести непосредственно из естественного, по его представлениям, прямого отношения человека к факту своего существования как сгустка “вещества мироздания”, к началу “сокровенности” самого человека (тема, развернутая в повести “Сокровенный человек”). Поэтому начало начал и корень бытия – это любовь к Земле и к земле, любовь эта – “первый двигатель, начало жизни и ее расцвета, ее совершенствование, стремление ко всему непонятному, тайному и сокровенному” (II, 52). Другими словами, выясненная Платоновым “сокровенность жизни” оказывается настоящим источником творчества, научного, художественного и, главного его вида, научно-практического (описанного в “Котловане”, “Эфирном тракте”, “Родине электричества”) как самого адекватного проявления нового человека в мире.

Человечество представлено в рамках этой гипотезы, по-своему трактующей тезис Просвещения, как организм. Главный путь которым может привести человека и мир к Истине (искомому преображению) – изменить смысл, содержание и характер труда человека на земле. На свой лад комментируя мысль Л. Троцкого о необходимости “нормализации” труда в стране, Платонов подчеркивает, что важно не столько налаживать экономические отношения, сколько попытаться добиться естественности включения человека в единую, но многообразную энергетику Вселенной – “найти гармонию между данным характером тру-

дящейся личности и какой-либо сферой труда” (II, 136). Смысл этой гармонии – отнюдь не только в том удовольствии, которое может получить человек от труда, но в той пользе, которую получит от его труда Космос. Более того, труд человека, естественно вливающийся в творческую работу Мироздания, обеспечивает ему спасение. Рассматривая Мироздание, человека и Землю как живые организмы, одно из которых есть часть другого, Платонов человека считает прямо зависимым от более или менее гармоничных отношений с космическим организмом. “Нам надо слить труд с жизнью, а производственный процесс с физиологическими нормальными функциями организма человека. Что бы все это было одно” (II, 137). Отсоединенная от других людей и от мира сиротливая личность человека безвозвратно уничтожается, но в новом трудовом Собрании, который обещает Платонов, возникнет “новое живое мощное существо – общество, коллектив, единый организм земной поверхности” (II, 137).¹⁷

“Всемирное бедствие” завладело миром и противопоставить ему можно только человеческий идеал, несовместимый с возможностью быть угнетенным. Свободный от смерти человек – идеал Платонова не только потому, что само его существование отменяет все формы угнетения и унижения человека. Разрушение этических связей между людьми и наступление века тоталитарных режимов Платонов воспринимал как часть эрозии Мироздания, рассыпающегося на мелкие, энергетически пустые фрагменты. Отдельные люди, которые понимают ситуацию, не могут в одиночку повернуть историю вспять – это под силу только совокупным усилиям всего человечества, которое продолжает уничтожать своих пророков и двигаться к закономерному Апокалипсису: оставившее время в нем сочетается с тотальным энергетическим опустошением (“замусориванием”¹⁸) Земли, изменившаяся пространственно-временная реальность приводит человека к состоянию животного, неполноценного существа, которое обладает либо полусознанием, либо полутелом, либо обращает в минеральное вещество, в механизм.

¹⁷ В “Мусорном ветре” и в “Котловане” Платонов создает некий “антибобок”. Если вспомнить известное произведение Ф. М. Достоевского, описывающее биологическую жизнь человека в могиле как прямое продолжение поплости его земного существования. В “Бобке” тело и практический земной ум людей продолжают действовать, в то время как их душа окончательно умерла. В “Мусорном ветре” тело Лихтенберга, напротив, находится в условно-живом состоянии (ср. похожее состояние в полусмерти-полужизни, свойственное народу “джан” в одноименной повести), актуализируя его этическую-сознательную активность.

¹⁸ Ср. в “Котловане” описание Конца Света: “В то утро была сырость и дул ветер с дальних пустопорожних мест” (К. 185).

Путь человечества в энергетическом оживлении мира будет тем короче, чем больше найдется подвижников, способных принести себя в жертву. В русле логики П. Ф. Федорова, подчеркивавшего спасение от смерти любого человека, принявшего в течение своей смертной жизни участие в “общем деле”, Платонов не сомневается в личном бессмертии всех, кто участвует в строительстве Новой Земли. Смерть героев гражданской войны он воспринимает как временную, но преодолимую неприятность, которая оправдана конечным результатом. Подобно тому, как умирание рабочих “Котлована” – их путь в бессмертие, гибель героев гражданской войны не вызывает у Платонова ощущения безвозвратной утраты: “Эти люди нужны сейчас, немедленно... чем их будет больше, тем меньше прольется человеческой певниной крови (II, 53). Человек, питающий своей личной энергией землю – мотив, объединяющий раннюю публицистику Платонова и рассказ “Мусорный ветер”. Чтобы не терять лишнюю энергию человеческого бытия, Платонов в эти годы предлагал установить “нормы валентности”, определяющие энергетические ресурсы каждого человека, предмета, возможности подключения того или иного элемента Мироздания к его энергетической системе, предлагалось установить их для “каждого предприятия, учреждения, члена общества” (II, 132). В рамках развиваемой им здесь идеи “энергетического Эдема”, возможно, вместо померов, предписанных героям романа Е. Замятина “Мы”, в платоновском Новом обществе, люди носили бы на себе цифру, указывающую энергетический ресурс в киловаттах и амперах.

Каждое движение человека в мире либо накапливает, либо тратит энергию мироздания. Потерю Землей ее энергии Платонов сравнивает с потерей крови живым человеческим организмом. Этот мотив в таком же ключе разработан им в рассказе “Мусорный ветер” – финальная сцена произведения: истекающий кровью Лихтенберг, питывающий ею сухую бесплодную землю, подчеркнуто, что его кровь уходит “в сухую почву” (МВ, 311). На пути к “высшей сфере” преображения мира Платонов обязывает общество воздержаться от “неэквивалентной затраты энергии”, которую считает преступлением против Космоса, законы которого отныне должны управлять каждым движением человека, если он надеется на спасение.

В рамках религиозной войны с пищеварительной мусорной Европой, сосредоточенной по мнению Платонова не на энергетическом, но исключительно на пищевом питании человека, Платонов предлагает подождать с обвинениями в адрес Красной Руси, но посмотреть, во что может отлиться программа энергетического преображения земли, которую

писатель в эти годы считал центральным смыслом “социалистической революции”: “Дайте нам срок во имя расцвета нашей культуры... Дайте нам время и тогда приходите смотреть, что мы сотворим, во что мы превратим землю” (П, 58). Преобразенное “вещество вселенной” в своем новом состоянии станет “вечным домом” для нового человека: “Наша дорога тяжела, но она кончится чудом” (П, 58).

3. Человек как аккумулятор энергии. Остановка времени

Путь к преобразованию мира в Вечный дом человечества, по Платонову, скрыт за этой зависимостью между пространством и временем, в то время как за мнимой величиной первичного элемента “вещества мироздания” скрываются перспективы победы над смертью. Платонов указывает на новые перспективы, открывающиеся в постановке и решении на новом уровне пресловутого “вековечного вопроса”. Линия длиной в 300.000 километров потрясла воображение Платонова, став символом того кусочка “вещества мироздания”, из которого состоит и человеческое тело и земля, по которой он ходит. Пространство оказывается не только бытующим во времени, но и само время “беспрерывно производит, вмещает в себя линейное пространство в 300.000 километров, потому что время соответствует пространству, одно без другого невозможно и бессмысленно. Они уравниваются взаимно и только потому существуют” (П, 143). Поэтому “ньютоновские” законы не властны над европейской историей XX века.

День 16 июля 1933 года может захапнуть и остановиться прямо посередине - “от действия собственной излишней энергии” (МВ, 295), которая на самом деле оказывается вовсе не энергией в платоновском смыслеупотреблении, но перегревом Земли, образовавшимся вследствие нарастающей энтропии - “от палящей ветхости почвы”. Именно эта нарастающее оскудение “вещества” приводит к целой серии катастрофических изменений в жизни людей и в ритме движения времени - “к одиннадцати часам утра этот день уже постарел” (МВ, 295), меняются параметры пространства, которое “затмилось”, и нарастающее омертвление его делает “вредоносным для глаз” (МВ, 295). Смысл происходящего открывается в сравнении этого описания с Апокалипсисом из романа “Котлован”, где актуализируется остановка времени и сильный ветер, песущий “мусор” и “пустоту”. Обратим внимание, что именно в это время, в полдень, Чикалин роет могилу для Насти в финальной сцене романа.

Время осмысляется как историческое полотно, некий холст, покрытый знаками, холст изначально ограниченный. Живое во времени и выключенное из Вечности у Платонова – полумертвое, то есть не полностью живо: “...точно все живущее находилось где-то посредине времени и своего движения; начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление” (К, 173). В “Мусорном ветре” “утомление” оказывается амбивалентным знаком энергетического кризиса, это специфическое “утомление” разлито по миру, и звуки колоколов говорят Лихтенбергу о том же: “Гомись-томись-томись...” (МВ, 297). Лихтенберг, слушая этот звук, думает о том, что истощение и утомление Земли уже дошло до ощутимого замедления в течении времени и оривело к сворачиванию пространства: “призыв к томлению, к замедлению, к уничтожению жизни все более усиливался...” (МВ, 297). Крестьянин в “Котловане”, который просит отдать найденные строителями гробы, точно по модели, представленной нам картине гибели Лихтенберга, “утомился, или же умирал по мелким частям на ходу жизни” (К, 170).

Выход из этого тотального истощения – в человеке, способном остановить кризис и своим “ручным трудом” преобразовать пространство. В своей статье, посвященной творчеству А. С. Пушкина, Платонов писал: “Сейчас есть смертная нужда, чтобы в мире появилась поэтическая, вдохновляющая, оживляющая сила, равноценная Пушкину – и даже превосходящая его, потому что слишком велико всемирное бедствие”.¹⁹ Живое/мертвое – эта главная антиномия Платонова, параллельна оппозиции творчество/нетворчество (космос/хаос), поэтому творчество оказывается силой “оживляющей” (негэнтропия, эктропия), в то время как нетворческое состояние человека ведет его к смерти, (энтропии, гибели). Апокалипсис понимается как тотальная энтропия.

Человечество, уничтожая своих гениев и создавая помехи в их работе, ведет себя к гибели. Поэтому Платонов мечтает о приходе нового Мессии Любви-Творчества-Свободы – о “новом Пушкине”, трагическая судьба которого в условиях тоталитаризма и описана в “Мусорном ветре” потому, что смерть и энергетический апокалипсис могут быть побеждены не гениальными одиночками, но совокупными усилиями всего человечества. Но в любом случае необходимо найти крайнюю точку в дихотомии “вещество-энергия”, и если максимум неэнергетического вещества – это природные “песок” и “глина” в “Котловане”, то в “Мусорном ветре” это “мусор”, “прах” и “перхоть” цивилизации.

¹⁹ А. Платонов, Пушкин - наш товарищ // Размышления читателя, М. 1980, с. 41.

Беззащитность человеческого существа перед смертью описывается как его “голость”, одежда падает с человека у Платонова полностью или превращается в лохмотья. Результат мутации тела Альберта Лихтенберга: “первобытный человек, заросший шерстью... скорее всего это большая обезьяна, кем-то изувеченная” (МВ, 312). Елисей в “Котловане” демонстрирует повествователю свое “громадное, опухшее от ветра и горя голое тело”. Принципиальность этого компонента художественного языка Платонова, как его недостаток, остро почувствовал М. Горький. Читая рассказ “Мусорный ветер” (первую страницу произведения, описывающее выход Лихтенберга после сна на улицу, пометил на полях: “Надо одеть его”.²⁰

В своих ранних статьях Платонов трактовал живое существо как двигающийся живой аккумулятор энергии, заряжающийся от других и подзаряжающий других. От островка живой энергии мироздания Лихтенберг переходит к максимально пустому энергетически месту. Пока что Платонов подсчитывает не только киловатт-часы, но и размеры той “горы трупов”, которую оставляет человечество на своем пути к спасению – “если перевести бесполезную трату труда на потерю кусочков жизни в каждом рабочем человеке” (II, 152). Пока что в нашем стремлении добыть энергию бесполезно расходуется “драгоценная красная кровь жизни”, причем, это относится как к телам шахтеров, так и к добываемому ими углю, осмысленному как “кровь Земли” (II, 153). В будущем же будет преодолена “отделенность” энергетики человека от энергетики Земли будет преодолена. Человек научится управлять процессами “окисления” и тем самым сможет придавать им прямой и обратный характер. Человеческое тело, переходя в землю, может иметь и обратный маршрут – из земли в человеческое тело, “другим путем: через возвратные химические процессы”, который в будущем окажется подвластен человеку.

В статье 1921 года “Свет и социализм” появляется мысль о чистой, практически не имеющей вещественного воплощения энергии – концепция “чистого пространства” (“эфира”), которая будет потом использована в названии повести “Эфирный тракт”: “Пространство и время составляют все, что мы знаем о мире. Все, что мы знаем, есть комбинированные функции пространства и времени. Электричество же есть все, что мы знаем о, так сказать, “чистом” пространстве – эфире” (II, 178). “Чистое

²⁰ См.: Л. Аннинский, Откровение и сокровение. Горький и Платонов // Литературное обозрение 1989, № 9, с. 12.

пространство” (или “чистая энергия”) – то, что служит максимально благодатным полем для творчества человека, это прямая антитеза той полойке, в которой оказался Лихтенберг еще до того, как его избил нацисты. В отличие от более ранних статей в статье “Свет и социализм” Платонов выступает как прагматик, который хотел бы использовать энергию солнечного света и из нее построить “социализм” (“культуру заряженного света”), который он мыслит как тотальное слияние человека и мира, преобразование физической природы человека, преодолевающего тем самым свою смертную ограниченность в пространстве и во времени. Платоновский “социализм” представляет собой пространственно-временную конструкцию, преодолевающую недостаточно сбалансированные энергетически отношения человека и Вселенной. Поскольку пространство можно измерить количеством единиц скорости света, которые, в свою очередь, есть преобразованная энергия, то “вещество мироздания”, землю, по которой мы ходим, можно рассматривать как своего рода склад энергии, аккумулятор, подключиться к которому (и подзарядить которую) – значит, спастись от смерти и, одновременно, вернуть Земле ее истинное значение Дома всего человечества.

Единственный источник энергии, еще как-то обеспечивающий течение жизни на Земле, в условиях, когда человек истончил себя и плоть Земли несправедливыми и неразумными поступками – это Солнце, которое и приветствует Альберт улыбкой, в точном соответствии с теми представлениями о солнце как главном источнике пополнения энергией истощенной Земли, которое описывал в своих “энергетических” статьях Л. Платонов. Наполненный энергией, но незначительный солнечный свет противостоит пустому и грубому мусору, которым засыпана Земля, поэтому, когда начинается “осенний светлый день”, тотальный “мусор” лишь превратится “на безлюдной дороге между жилищами” (МВ, 309).

Электрическая энергия и ее прямое воплощение, свет – пока что высшая форма энергии, которую знает человек по опыту, хотя ранее Платонов говорил и о других ее видах (ядерная энергия, любовь). Отсюда, уже совершенно забывая каноны исмагата, точнее, подминая его своим Новым Евангелием, Платонов делает вывод о том, что история человечества – это разрешение “единого энергетического вопроса”, следовательно, коммунизм – слияние человека со светом, столь же полное, какое демонстрируют нам растения (“вспомним, что база мира растений есть свет” (II, 178-179). Следовательно, “из света надо отлить и выточить коммунизм” (II, 178), необходимо сделать “свет также и базой мира человека” (II, 179). Чельенгур в одноименном романе Платонова и есть художественное исследование возможности построения

такой “базы мира человека”, в то время как “Мусорный ветер” описывает условия гибели, под напором “мусора”, человека, готового к строительству Нового собора – “базы мира человека”.

Только такого рода синтез практики и мысли в трудовом “научном” порыве пролетариата может слить все в одну “всемирную работу”, которая будет и наука, и искусство, и форма биолого-энергетической жизни человека на Земле. Решение вопроса о тотальной власти сознания человека над его телом переведет человека в центр Вселенной, позволив ему управлять всеми преобразованиями “вещества мироздания”, изменит характер его отношения в пространстве и времени. Поскольку и пространство, и время – есть не сущности вечной Энергии вселенной, считал Платонов, а лишь формы восприятия этого “вещества-энергии” несовершенным человеком, то и само разделение Континуума на три пространственные и одну временную координату – есть лишь признак интеллектуально-энергетического несовершенства человека, считал писатель. Формирование Нового вечного человека, с иными, трудно представимыми сегодня формами мироотношения приведет к тому, что мы назвали бы сегодня “остановкой времени”, а пространство, вбираемой в себя тотальной мощью энергетически абсолютного сознания, сожмется сначала в линию, затем в точку. В этой точке окажется вечное “всегда-везде”.

Человечество, теряя этические и гиперэтические (экологические) связи с другими проявлениями Мироздания, совершает энергетическое самоубийство, как формулирует Лихтенберг в “Мусорном ветре”, “Люди сами загомят и растерзают себя” (МВ, 296), но живая плоть Вселенной останется и жизнь будет продолжена, гарантией этому – “всемирное сияние энергии” (МВ, 296), которое, вместе с Лихтенбергом, видел и сам писатель. Мироздание, угнетаемое “мусорностью” истории человечества, движется по нарастающей – в пустоту, даже солнце в Апокалипсисе – энергетический корень жизни на Земле – поднимается утром “в свою высшую пустоту” (МВ, 309). Эта тема звучит и в другом описании энергетического апокалипсиса, в “Котловане”, пустота телесного “вещества” приводит к буквальному исчезновению человеческой плоти, Чиклиш и Воцев встречают мужика, который чувствует себя “пустым”, как описывает это его жена: “душа ушла из всей плоти, улететь боюсь, кладу, кричит, какой-нибудь груз на рубашку” (К, 187). На это же истощение пространства и остановившееся время указывает зачин рассказа “Мусорный ветер”, причиной тому является остановка времени, вызванная падением энергетики Земли, которая вызывает кризисом в отношении людей к земле и друг к другу. Отсоединение человека от Земли и космической энергетики приводит к тотальному нарастанию энтропии, от

которой нет спасения человечеству, отказавшемуся от своей космической миссии.

Истощение энергетики Земли имеет двунаправленный характер: почва теряет свою способность родить, природа становится еще более враждебной к человеку, усиливается “ветер” и “холод”, вокруг человека – все то, что энергетически минимально (“пыль”, “прах”, “песок”, “глина”, “мусор”), человеческое тело становится худым, напоминая собою скелет, обтянутый кожей, и, одновременно, обретает зооморфные черты.

В условиях энергетического апокалипсиса люди впадают в состояние, промежуточное между сном и смертью. Сон/явь и жизнь/смерть сосуществуют, линия, отделяющая одно от другого размыта и превращается в широкую полосу, на которой находятся герои Платонова в “Котловане” и “Мусорном ветре”. Иногда колебания между двумя этими состояниями происходят синхронно и одновременно в бытийном состоянии двух героев. Диалог между Настей и умирающей матерью (“Котлован”) замечателен тем, что мать Насти находится в полосе между жизнью и смертью так же, как сама Настя колеблется между сном и явью в сознании ее матери: “Мама, ты жива еще или уже тебя нет? – спрашивала девочка в темноте”. – “А ты не заснешь и не уйдешь от меня? – спросила она у дочери” (К, 161). Обе они находятся в пограничном состоянии и спрашивают друг друга об одном и том же, но “до Чиклина не доходило даже их дыхания” (К, 162). Согласно владевшей писателем концепции, умирать можно плавно, но не до абсолютного нуля, сохраняя остатки “тепла” для его последующего увеличения и оживания умершего. Умирать можно и “по частям” (К, 170), диффузия между смертью и жизнью может размывать и границы человеческого тела, часть которого может отмирать, а затем снова плавно оживать на время. Здесь можно говорить об опосредованном (или прямом?) влиянии на Платонова концепции Джорджано Бруно: “когда через рождение человека наступает бытие, тогда макрокосмическое концентрируется в монаду, когда человек проходит через врата смерти, тогда монада растворяется снова; то, что было сосредоточено в теле, распространяется по всей вселенной для того, чтобы снова соединиться на других ступенях бытия” – сочувственно цитирует Джорджано Бруно Рудольф Штейнер в одной из своих брошюр, которые в машинописных копиях в миллионах экземпляров ходили в эти годы по всей России.²¹

²¹ Р. Штейнер, Духовное водительство человека и человечества, Б. г., б. м. (Машинопись), с. 60. Мысль о смерти человека как акте обмена его жизненной энергии с “духовным телом земли” проводится Штейнером в другом его чрезвычайно популярном тексте.

Остановившееся, сжавшееся в точку пространство-время в “воскресный день” 16 июля 1933 года приводит к состоянию полужизни-полусмерти, в которое, подобно крестьянам из “Котлована”, впадает Альберт. В сущности, писатель несколькими деталями говорит о почти мертвом человеке, чудом сохраняющем искры жизни: “его глаза остановились – выгоревшие насквозь, глядящие неподвижно, как в слепоте. Он не мог сразу вспомнить, что он существует и что ему надо продолжать жить дальше...” (МВ, 295-296). Потеря ощущения своего тела, как у героев “Котлована”, указывает на высокую степень энергетического истощения человека: “он забыл вес и чувство своего тела” (МВ, 296). “Спа-смерть” – специфическое состояние платоновского героя, погруженного в личное переживание энергетического апокалипсиса Космоса, выражающегося в глубоком истощении ресурсов Земли (а, значит, и его собственных), поэтому Лихтенберг с большим трудом осознает себя живым человеком: “лицо его давно посерело от напряжения, с каким упорный добывал себе жизнь” (МВ, 295). Так же как и строители Котлована, умирающий Лихтенберг ложится на землю ничком – “он выполз наружу... и лег лицом на землю” (МВ, 311). Ложась спать, строители Котлована впадают в состояние спа-смерти, в котором они “забывают себя”. Легкий и акцентировано петрагический переход в это же состояние происходит и с Лихтенбергом, который, умирая, “забыл себя – по своему житейскому обыкновению” (МВ, 311). Различие между мертвыми детьми и спящими детьми, согласно той же концепции, заключается в том, что у одних глаза открыты, у других – закрыты: “Лихтенберг опустил веки на четырех детских глазах и сказал матери: “Теперь они уснули!” (МВ, 311).

Мотив “спа-смерти”, свойственной человеку в условиях остановки времени, актуализируется амбивалентным “Было воскресенье” (“воскресенье” из мертвых уже “было” – или сегодня “есть”) (МВ, 295). Характерно, что в этот день остановленного из-за мирового энергетического кризиса времени “звонили колокола римской веры”, намекая на дохристианские времена, времена Древнего Рима, языческого повешения Кесарю и тотемному идолу, настаивающего на отсутствии принципиальных различий между человеческим телом и телом зверя. В романе “Котлован”, другом произведении, описывающем энергетический апокалипсис Земли, содержится целый ряд описаний такого же типа состояний “спа-

смерти”, когда биологическое тление человеческого организма происходит на фоне полного истощения ресурсов для его внешней подпитки: “Вонцев прислонил свою руку ко лбу покойного и почувствовал, что человек теплый. Мужик слышал это и вовсе затих дыханием, желая побольше остыть спаружи. Он сжал зубы и не пропускал воздуха в свою глубину” (К, 188); “Мужик из всех темных своих сил останавливал внутреннее биение жизни...” (К, 198).

Сигнал остановки времени и резкого сужения пространства – бесконечный “танец на месте”, который исполняют крестьяне в “Котловане”, радуясь гибели классового врага и наступившей светлой эре, однако из-за остановившегося времени, когда “народ танцует”, он топчется на месте, другими словами, время остановилось. Это танец полуживых-полумертвых существ, трупов, продолжающих по инерции свое механическое движение. Елисей топчется так долго и интенсивно, что “снег под ним исчез, а сырая земля высохла” (ЧА, 109)²² – в реальном времени прошло уже несколько суток. Чиклип не знает как его остановить, и замечает, что это двигается труп: “Елисей... топтался дальше и не моргал остывшими глазами”. Чиклип пытается остановить его, обхватив руками, и “Елисей повалился на него, невольный и обмерший” (ЧА, 109).

Город в “Мусорном ветре” осмыслен как каменная конструкция, фундаментом которого является могила – символ, параллельный “Котловану”, где фундамент дома также оказывается чем-то вроде братской могилы его строителей: “Большой католический собор... стоял... опираясь глубоко в могилы его строителей” (МВ, 297).

Пробуждение Альберта в зачине “Мусорного ветра” аналогично пробуждениям из мертвых героев “Котлована”, сопровождаясь реакциями, присущими рождению ребенка или воскресению из мертвых: “Альберт открыл глаза – сначала один глаз, потом другой – и увидел все в мире таким неопределенным и чужим, что взволновался сердцем, сморщился и заплакал, как в детском ужасающем сповидении... вставшие, мутные предметы враждебно двигаются на маленького зажмурившегося человека...” (МВ, 295). В первой редакции романа “Котлован” содержится еще более откровенный текст такого рода, где пробуждение героя ото

²² Ранняя редакция романа “Котлован” цитируются по изданию: “К творческой истории повести Андрея Платонова Котлован” (Фрагменты чернового автографа). Публикация Т. М. Вахитовой и Г. В. Филишова // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. СПб. 1995 (ЧА, номер страницы).

спа напоминает воскресение из мертвых. “Пробудиться” и в том, и в другом случае означает “жить”: “с дыханием у них выгорала отжившая кровь и пустое место наливалось густой опущаемой влагой. У Козлова ниже ушей возобновилось биение материнских родников и уже порозовело оскудевшее лицо. Значит, ему скоро пора пробудиться и сознательно жить” (ЧА, 101). Выход из этого мира, исчерпавшего свои возможности, есть выход из могилы. “Вопев отворил дверь наружу, впуская воздух для дыхания спящих...” (там же). Проснувшись медленно возвращаются воспоминания о прошлой их земной жизни: Чиклип, пробудившись, еще не может говорить, (“безмолвно произносит песню ртом”), “еще не мог вспомнить своей жизни – и помнил песню, готовясь жить сначала” (ЧА, 102). В теле проснувшегося Козлова копошится крыса, которую Чиклип, попросив Козлова зажать руками рот и живот, выпихивает ударом ноги из его тела (ЧА, 102).

В “Котловане” возникает мотив гробницы Иисуса и Лазаря, которая становится местом жизни из места смерти (К,165). Не случайно Чиклип говорит о покойной матери Пасти: “она еще цела”. “Целое тело”, как это было в Евангелии у Лазаря и Христа, означает жизнь – возможность воскресения. Следовательно, жизнь из мертвого тела совсем не уходит, границы между живым и мертвым телесным “веществом” в характерной для Платонова манере размываются, речь идет не о исчезновении жизни, но о ее вещественно-энергетической трансформации. Человек, согласно с этой логикой, имеет два экзистенциальных состояния: временное и постоянное (вечное). Временное – это его биологическая жизнь (“существование” в обыденном смысле этого слова). То, что мы называем словом “мертвый”, по Платонову буквально “мертвым” вовсе не является, это лишь другая, малоопытная и потому нами отрицаемая форма жизни. Более того – это и есть вечное состояние человека, которое лишь на краткий миг прерывается биологическим “тлением”, которое актуализируется нами как единственное его бытие. Следовательно, как время есть форма, срез вечности, так и живое есть форма, срез мертвого, где не отсутствие жизни, а жизнь в иной форме, плохо уловимой изнутри обыденного мира. Не случайно, что Чиклип, идя к умирающей, спускается не в могилу, но в “убежище женщины” (К, 166). Когда она умирает, Чиклип заваливает дверь ее “убежища” – “старыми каменными глыбами”. На вопрос Прушевского, зачем он это делает, Чиклип отвечает фразой, которую можно понять лишь в энергетической парадигме Платонова: “мертвые тоже люди” (К, 167).

Подобно героям “Котлована”, ищущим защиты у “сырой матери-земли”, Лихтенберг, спасаясь от социального мира, убивающего чело-

века, создает для себя такое же “минеральное убежище”, находит себе углубление в земле, заставляя вспомнить о таких поисках углублений и впадин, которые искал герой “Котлована” Воцев. Он вырыл “под корнем дерева небольшую пещеру и поселился в ней для неопределенного продолжения своей жизни” (МВ, 305). Таким образом, человек ничем не отличается на телесном уровне от минерального мира: подобно минералам, он строит свое тело из веществ природы, подобно растениям, он растет и размножается. Именно поэтому человеку можно приписать бытие минеральное, растительное и животное, считает Платонов вслед за Р. Штейнером. Герои Платонова глубоко переживают свое единение с минеральным миром (землей), отказываются от растительного (полового) и животного (чувственно-созерцательного) мироотношений, пытаются выстроить свой собственный мир – мир истинно человеческий, как можно более далеко уводящий их от животного (“пищевого-сексуального”) и растительного (“безмысленного”) состояния. Минеральное состояние оказывается у Платонова даже ценностно выше, чем животное или промежуточное - растительное. Инженер Прушевский в “Котловане”, долго и любовно рассматривающий кусочек земли из своего Котлована – символ единения человека и минерального мира, доминирующий в творчестве Платонова.

Неопределенность положения человека заключается в сужающейся амплитуде движения энергетического маятника Вселенной (раскачивания между “энергией” и “веществом”), но в качестве некоей надежды для него выступает живая сила, накопленная в растениях, покрывающих Землю, и солнце – источник того самого солнечного света, который прият в нашем мире за эталонную меру Континуума: “он говорил ему, что тосковать не надо: солнце всходит и заходит, растут ветви в лесах...” (МВ, 305). Логика Платонова близка здесь к С. Кьеркегору. Человек “рождает себя” в активном акте выбора, опираясь на вещество своего тела и преобразуя окружающее вещество Вселенной. Для Платонова человек – существо самоопределяемое, теряющее человеческие черты при отказе от свободы выбора – но сам этот выбор и предоставляемая человеку парадигма обоснованы веществом вселенной.

Согласно концепции Рудольфа Штейнера, оказавшего здесь заметное влияние на Платонова, человек связан с землей прочными, никогда не прерывающимися нитями. Связан телесно: химический состав человека тела предопределен минеральным составом земли. Связан и “астрально”:

силы, воздействующие на человека, “исходят из организма земли”.²³ Человек, по Штейнеру, космическое существо, в полном смысле слова порождение Земли (как, например, и описанные им жители Сатурна, структура которых настолько резко отличается от землян, что встреча с ними в “ньютоновском” пространстве оказывается невозможной): “Он живет двойной жизнью: жизнью в физическом теле, тогда он живет в зависимости от Земли. Но человек не только берет для себя от земли вещества и силы; он является членом всего земного организма, он принадлежит к нему...”.²⁴ Человек – это самоуправляемый “аккумулятор” жизненной энергии, который может истощиться в условиях отключения от Космоса или, второй вариант, тотального падения космической энергетики. Потому что, как писал Платонов, “вся вселенная есть, точно говоря, резервуар, аккумулятор электрической энергии, т. к. вселенная прежде всего пространство, а пространство прежде всего электромагнитное переменное поле” (П, 178).

Поэтому “детское”, “энергетическое” и “солнечное” оказываются параллельными знаками, противостоя “скуке”, “смерти”, “пыли”, “ветру”. В романе “Котлован” этот символ занимает в структуре романа такую же позицию. Детское мировосприятие певично потому, что лишено предвосхищения смерти; ребенок живет в вечности, он рождается для нее и не чувствует времени. “Солнце детства нагревало тогда пыль дорог и своя жизнь была вечностью среди елей смутной земли...” (К, 160). Выкапывание Котлована – оказывается не сколько созданием емкости для последующей заливки туда бетона, сколько наоборот – рытьем некоего энергетического колодца, способного дать энергию для преобразования вещества, из которого состоит человек. Лихтенберг, последний “пролетарий” Платонова, не ищет личного спасения, согласно логике Энергетической революции – оно невозможно, он становится в позицию Дон-Кихота, героически-безнадежно сражаясь за те небольшие остатки жизни, которые он видит вокруг себя, тратит остатки своих жизненных сил в рамках свойственного ему понимания причин гибели мира, сознавая тщетность своих усилий, но оставаясь до конца апостолом провозглашенной Платоновым в 1920 году “Новой веры”.

²³ Рудольф Штайнер. Духовное водительство человека и человечества. В. а., б. г., б. м. (Машинпись), с. 10.

²⁴ Рудольф Штайнер. Духовное водительство человека и человечества, с. 47.

4. Конец истории. Homo Sexus

Многочисленно отмеченное в литературе о Платонове отвлечение писателя к сексуальной сфере вызвано отнюдь не просто некими психико-подсознательными комплексами, выражающими его отношение к фрейдистко-юнгянской парадигме.²⁵ На наш взгляд, отношение к “половому вопросу” Платонова прямо вытекает из самых основ его вещественно-энергетической концепции: половое размножение отвлекает человека от проблемы смерти и уводит в сторону от вечного бытия. Пресловутая “антисексуальность” Платонова – не проявление хорошо замаскированного ханжества, как считают одни исследователи, или вариант “аскезы” его “Новой веры”. Нельзя не заметить, что при всем своем отворачивании к сексу Платонов был, по сути, идеологом тотальной любви, которой тесно было в рамках половых ее проявлений. По мнению писателя, оказываясь эффективным способом выживания временного телесного человека, в новых условиях энергетической трансформации Вселенной этот тип телесной организации человека безнадежно устарел: “Пол стал устаревшим недействительным орудием за укрепление богатства жизни, потребовал смены” (II, 108). Отсюда очевидно, что актуализация половых институтов, на чем держится европейская культура, и всякого рода обращения в различия полов мешают развитию Нового человека. Напротив, требуемая им “смена” половой парадигмы европейской культуры создает предпосылки для строительства новой культуры преобразованного полового инстинкта, помогая открытию на новом уровне “сокровенной” тайны жизни, взамен сегодняшнего ее главного выразителя – пола.

Для Платонова, одно из важных свидетельств упадка и гибели человеческого рода – падение способности любить, вызванное, в том числе, и тотальной сексуализацией живых существ, в том числе – людей, которые, вечно умирая, успевают лишь дать толчок для жизни своих детей, образуя бесконечную и бессмысленную цепь рождений-смертей. С этим связана апология “антисексуса” во всех произведениях Платонова, в “Мусорном ветре”, идеологически параллельная той же тенденции в устах христианских монашеских общин. Видение мира Лихтенбергом моделирует христоводобный взгляд на мир праведника или юродивого,

²⁵ Например: “Герои Платонова – дети, они бесполо, плачут, гениально косноязычны, боятся своих снов, доверчивы, тоскуют по матерям, без конца спят” (Л. Карасев, Движение по склону (Пустота и вещество в мире А. Платонова). // “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып 2, М. 1995, с. 6).

замечающего то, что недоступно простому смертному. Характерно, что Лихтенберг, подобно Христу и параллельно провозглашенному Платоновым “пролетариату” как “телу Христа”, осязает и чувствует все Мироздание, всю жизнь Земли, одновременно слыша и чувствуя (“вникая”) все, что происходит на Земле: “далекую жалобу женщины, грустный крик толпы, скрежет машинных скоростей, пение влажных цветов на берегу Средиземного моря...” (МВ, 300).

Лихтенберг видит на улице девушек с влагой в глазах, которая ему напоминает влагалищные выделения (“наполненными сыростью головной железой” - МВ, 296), священника, который выступает в виде напряженного фаллоса, старух, “в которых кипевшие некогда страсти теперь текли гноем, и в чреве, в его гробовой темноте, истлевали части любви...” (МВ, 296).²⁶ Эти строки “Мусорного ветра” имеют развернутый комментарий в “Антисексусе” Платонова и в публицистических текстах 1920-21 гг., где он объясняет свое отрицательное отношение к ситуации, когда андрогин мастурбирует, вместо того, чтобы соединиться с Космосом. В духе того скепсиса, который всю жизнь питал Платонов по отношению к официальной церкви, священник в “Мусорном ветре” благословляет пустое пространство, на глазах гибнущее, теряющее свои естественные измерения.

В то время как основой самосознания Нового Человека оказывается энергетическое и телесное единство с Мирозданием, что полностью лишает смысла (и физической основы) половые отношения между людьми, дуна “старого человека” (термин А. Платонова) находится в поле, который есть буквально понятая европейской цивилизацией метафора соединения современного энергетически отчужденного человека с “Другим”. Очевидны общие корни у Новой религии Платонова и христианства в мысли о преодолении пола.

Вызывая ассоциации с трудами Вл. Соловьева, Платонов фактически говорит о той же Прекрасной Даме, которая волеется в сердце и плоть мужчины, рождая Нового человека, человека-андрогина. Половое разделение человечества на мужчин и женщин выражает его энергетическое, космическое несовершенство, это устаревшая телесная основа человека, которая должна быть преодолена, и поэтому “пол – дуна буржуазии” (П, 106). Лишь преодолев половые различия, человек становится до конца

²⁶ Мотив женщины-смерти, в лохмотьях и с косой в руках, как главного символа европейской цивилизации, встречается у П. Ф. Федорова в его рецензии на Всемирную выставку в Париже.

человеком. Искомая Платоновым бесполость – не та или иная форма недостаточности человека, не кастрация, но, напротив – искомая полнота мужского-женского в каждом человеческом существе, слияние тел мироздания вещественно-энергетическим, неполовым путем, в едином вещественно-энергетическом пространстве, которое не сводится к платоновскому кубу, но тяготеет к “сфере” Г. Мицковского. Центром бытия человека оказывается не “мусорное” тело, наполненное вялой энергией биологического тления, но его высокоэнергетичное сознание, постоянно формирующее мысли – выражения сверхэнергии Вселенной.

5. Минеральное бытие человека

Концепция человеческой мысли, которая есть не просто проявление деятельности мозга, но явление “вещества мироздания” в своей очевидной конкретности и “сокровенности” была затем использована Платоновым в “Мусорном ветре”, при описании отношений, которые возникли между умирающим миром, погибающим телом Лихтенберга и его мыслью, как единственным следом живого в его теле. Согласно логике Платонова, открывая “сокровенность мира”, именно “сознательное мозговое усиление и делает все тайное явным, сложное – простым, страшное – покорным” (II, 52). Возможное преобразование (“переделка”) мертвой природы должно быть основано на верном понимании этого различия между “живым” и “мертвым”, актуализируя первое, необходимо преобразовать второе, приобщить его к первому. В этой переделке природы, опираясь на живую землю, человек не нарушает заповей мироздания, не навязывает миру свои уставы, “не насилует ее, а приспособляется к ней” (II, 53). Собственно, это и есть главная мудрость человека на земле – умение отличить живое от мертвого (умирающего). Человек на Земле, по Платонову – это воскрешающий Христос, который говорит свое “Талифа куми” всему умирающему, встречающему на своем пути, пуждающемуся в энергетической поддержке. Его задача – оживление мертвого, с помощью изменения свойств мертвой материи мира. При этом человек опирается именно на землю, своего единственного союзника в борьбе против мертвой инерции природы.

С помощью изменения физических свойств, формы и конструкции Земли, космические силы могут быть перенаправлены на победу жизни над смертью. Формируя мысль, которая легла затем с основанием идеи “Котлована”, Платонов пишет: “Познав мертвую мощь мировых сил, человек направляет их, не в силах изменить прямо, против других

враждебных сил – и так подчиняет, косвенно изменяет, побеждает” (П, 53). Появление Пасты в “Котловане” необходимо было Платонову для подчеркивания расподобления сюжета романа с евангельской притчей о спасении Христом мертвой девочки. Отрывая Пастю от мертвой матери, Чиклин обещает ей спасение в “вечном доме” для “пролетариата”, однако Пастя погибает в мертвом локусе, который не смогли сделать живым, несмотря на героические усилия, строители Котлована. Однако, человек, укладывая себя в землю, вовсе не теряет себя или портит тем самым “вещество”, но участвует в ее жизни уже на минеральном уровне. Любое вещество у Платонова (как и у Р. Штейнера), одухотворено, степень одухотворенности (произанности “эфирным Христом”) указывает на приближение к истине (удаление от нее). Думая о сохранности человеческого тела, человек, согласно логике “Котлована”, не должен забывать о живой земле, которая, потеряв свое эфирное тело, тоже может превратиться в труп. Душою земли является человеческое сообщество, которое, пока живо, сохраняет землю живой, позволяя ей регенерировать и возрождаться. Этот тезис развивала затем экологическая телеология Вернадского (“Ноосфера”).

Не только Земля у Платонова – живое тело, но и человеческое тело в “Мусорном ветре” осмыслено как своего рода “земля”: “Пусть голод томит его желудок до самого сердца - он не пойдет выше горла, и жизнь его спрячется в пещеру головы” (МВ, 296). В этих условиях возможно говорить о ландшафте человеческого тела, моделирующего тело всей Земли - “непреходящее утомленное отчаянье с костяной твердостью лежало в выражении его лица, как части поверхности человеческого тела” (МВ, 295). Пространственные рамки передвижения Лихтенберга – суть его перемещения в Космосе, поэтому он вышел из своего дома не только на улицу, но и “в южную германскую провинцию” (МВ, 296). Катастрофическое приближение к энтронийному нулю продолжается и доходит до апофеоза в момент окончания речи Лихтенбергом. Платонов опять фокусирует взгляд читателя на свойствах Земли и пространства – первое, теряя энергию, обращается в “пыль” и “мусор”, второе – сжимается. Эту мысль Платонов формирует с помощью все более и более яркого Солнца – естественного источника энергии, так и не использованного человеком для преобразования Земли. Сияющее солнце над замусоренной, погибающей землей – это упрек человеку, оказавшемуся не в состоянии противостоять энтронии. Бердяевская мысль о творческом категорическом императиве человека – реализовать заложенную в нем Богом энергию созидания, отказ от чего чреват Апокалипсисом и гибелью рода человеческого, звучит в тексте “Мусорного ветра”: “С непрерывной силой горел

солнечный центр в мусорной пустоте пространства, сухие насекомые и различные пустяки с раздражением шумели в воздухе” (МВ, 302).

Тема человеческого тела, которое находится в “пасти” уродующих его “мусорных обстоятельств” Земли, развивается Платоновым в очерке “Ленин”. В очерке-дифирамбе Ленину как идеальному “первому работнику Красной Руси”, содержится мысль, которую затем Платонов будет развивать во всех своих произведениях 1920-х гг., включая “Мусорный ветер”, “Котлован” и “Ювелирное море”: революция – это “революция земли” (слово написано с маленькой буквы!), новый мир может быть построен земледельческими усилиями, в которых одинаково важен вклад “рабочих и крестьян”, причем в качестве основного гаранта преодолимости смерти выступает “рабочее и мужицкое тело”, которое, наконец, “вырвано из пасти бесчисленных хищников” и может быть правильно обращено к земле (П, 44). Характерно объясняется тезис о “безопасности Ленина”: в рамках недавно провозглашенной доктрины творчески-энергетической собранности Платонов объясняет “силу Ленина” тем, что он выражает собой коренную мысль Вселенной, находясь в диалоге с нею, и лишь поэтому его шаги безопасны, трактуя Ленина как пророка его же, платоновской, Новой веры. Энергетический контакт с Мирозданием, в рамках этой концепции, является гарантом истины.

6. Зооморфизм человека Нового Времени

Истощение энергии вещества, из которого состоит тело человека, приводит к катастрофическим отступлениям в сторону животного. Плоть отделяется от сознания человека; онтологический разрыв между человеком и миром приводит к потере связи между сознанием и телом: это потерявшее сознание тело, забывшее “свой вес”, начинает жить своей животной жизнью, и человек обретает зооморфные черты. Таков и “медведь-кузнец” в “Котловане”, и Зельда из “Мусорного ветра”, и сам Лихтенберг, постепенно обрастающий перестью по мере истощения энергетических ресурсов “вещества мироздания”, выражением которого является его тело. Но “физик космических пространств” – это существо особенное, сохраняющее “мысль” при любом состоянии своего “вещества”, повествователь “Мусорного ветра” подчеркивает, что “до гроба, навсегда он останется человеком” (МВ, 296), как уже отмечалось, он видит мир не на наглядно-бытовом, но на глубинно-энергетическом уровне – параллельно Чиклину из “Котлована”, который тоже отчасти “физик космических пространств”, когда все впадают в смертельное оцепенение, он

один не спит и переживает свой контакт с Космосом (выходит из барака смотреть на звезды). Особенность энергетически гениального человека, такого существа как Чиклин или Лихтенберг, в том, что при предельном истощении вещества, из которого состоят их организмы, не будет затронут мозг, хотя все остальное тело может деградировать и иссохнуть (еще одна иллюстрация этой модели – “в картине в комнате Веры” в повести “Джан”, изображающей отсохнувшую половину тела человека, выплывшему за пределы нашего “нытоповского” мира).

Повинуясь закону поэтического языка Платонова, человек, живущий в “мусорной истории” Европы, обращается, в строгом соответствии с концепцией К. Маркса и Ф. Энгельса, в социальное животное. Это свойственно, например, “национальному шoferу”, который на глазах Лихтенберга формируется в особенное животное с “выражением остервенения и глухой дикости” (МВ, 300), эти свойства, в согласии с энергетической системой Платонова, усвоил он вместе со съеденными им животными, среди которых названы “коровы, бараны, овцы, рыбы и раки” (МВ, 300), обратим внимание, что все названные животные имеют свои знаки Зодиака. Как одно большое “единодушное” животное воспринимает Лихтенберг и толпу: она обладает физической силой, животным удовольствием собой, развитым пищеводом, количественной характеристикой. От толпы тоже веет мусором – отлетающими от них омертвевшими элементами вещества их тел, подверженных нарастающему разрушению – “мусор поднялся от них силой стихии”, вызывая ощущение “перхоти” в душе Лихтенберга. Мир “истощается в ужасе и в остервенелой радости” (МВ, 299), человек отказывается от “творчества”, потому что стоит перед стеной предрассудков (ср. в “Котловане” – “стена”, перед которой стоит всю жизнь инженер Прушевский, в “Мусорном ветре” – человек “окурен частоколом идолов” - МВ, 299). Однако это заметно не каждому, у пророка Новой веры Лихтенберга особое видение мира, он воспринимает не внешнюю форму, но внутреннюю энергетическую форму человека, и другого, и самого себя. Он видит мир через призму энергетической катастрофы именно таким, каков он есть в глазах Космоса, вне специфических фильтров, выработанных европейской культурой для смягчения экзистенциальных противоречий. Поэтому Зельда, казалось бы, не совершающая ничего дурного, воспринимается Лихтенбергом как злое животное и, одновременно, жалкий плод катастрофически нарастающей в мире энтропии, разложения и смерти: “пух на ее щеках превратился в шерсть... она произносила над его лицом возгласы своего мертвого безумия... она была покрыта одичалыми волдырями от неопытности зверя” (МВ, 296).

Усиленное питание и акцент на пищевую сытость указывает на гибельную для человека голоую телесность, которую выражает в “Котловане” и опухший от голода Елисей, и упитанный Папкин, раздобревший Козлов, “Главный”. Напротив, принятие пиццы для землекопов оказывается тягостным выполнением долга перед телесностью: “ели в типине, не глядя друг на друга и без жадности, не признавая за пиццей цены, точно сила человека происходит из одного сознания” (К, 137); на противоположном краю этого пищевого знака оказывается супруга Папкина – “с красными губами, жуящими мясо” (К, 147), чистая телесность, лишенная не только сознания, но и мысли, сознания, поскольку способна “волноваться” не душевно, но лишь телесно: “волнуясь своим невозможным телом” (К, 147).

Устройство человеческого тела у людей энтропии и людей эктропии различно в произведениях Платонова: если у созидателей энергии – “руки, ноги, голова”, то у персонажей, являющихся энергетической “черной дырой”, например, Папкина (персонаж, параллельный Адольфу Гитлеру в романе “Котлован”) – “члены”, двигая которыми, он делает “гимнастику” (К, 147). “Снизу поднимался мусор: человек сто национал-социалистов...” (МВ, 297). Механицизм движений этих людей подчеркивается растущим “износом” их костей, энтропия нарастает, и вместо спасения жизни, люди тратят драгоценные последние мгновения до своей окончательной гибели на монтирование памятника своей гибели. “Грешне металла и человеческих костей” здесь приравнено одно к другому – речь идет о сочетании элементов Вселенной, теряющих органическую связь между собой, это живая энергетическая связь, которая заменяется механическим контактом чуждых друг другу деталей. “Ох ты масса, масса. Трудно организовать из тебя скелет коммунизма” – жалуется герой “Котлована” Сафронов (К, 164). Почему “скелет”? Здесь возникают три слоя значений: 1) система, опорно-двигательный аппарат будущей социальной жизни; 2) исчезновение пресловутой “плоти” в будущем Новом Адаме, преображенном человеке, лишенном необходимости животного-физического потребления-выделения; 3) тотальная смерть, исчезновение почти полностью привычных для нас признаков “живого” и переход человека в ископаемое, “минеральное” состояние.

Символическое обозначение тягости “пищеварительного” пути человечества – птицы, “погие от напряжения” из-за постоянной добычи пиццы, которые умирают от этого напряжения и делаются “скудным печальным существом” (К, 138). Напротив, совместное потребление пиццы мастерами в “Котловане” указывает на свхаристический аспект их “тайной вечери”, акцентируя не наслаждение пиццей (осужденное

православием “гортанобесие”), по скорее причастие: “сели в ряд по длине стола... дал каждому человеку ломоть, а в прибавок еще по куску вчерашней холодной говядины. Мастеровые начали серьезно есть, принимая в себя пищу как должное, но не наслаждаясь ею...” (К, 131).

Пищеварительная философия – это попытка обрести полноту жизни с помощью правильного сбалансированного питания. Эта идея чужда героям Платонова, которые, подобно персонажам романов Достоевского, питаются вскользь и неохотно, как бы выполняя пудную обязанность. Мысль о посте как способе приближения к истине, закрепленная в нескольких евангельских сюжетах, повторяется у Платонова: “За время сомнения в правильности жизни он редко ел спокойно, всегда чувствуя свою томящуюся душу” (К, 132). Пищевая сытость понимается как несчастье и знак несвободы и смерти человека: “Воцев томился своим несчастьем во время сытости” (К, 125). Изнеможение понимается как духовная потеря: “изнемогал же Воцев скоро, как только душа вспомнила, что истину она перестала знать” (К, 127).

Изменение формы нравственного отношения человека к миру меняет его физическую природу, он сближается с растением, животным или мипералом. Главное действующее лицо “коллективизации” в “Котловане” – апокалиптический человек-медведь указывает на итоговые формы той мутации, которая показана в своей динамике в “Мусорном ветре”. Это не только выход паружу зверского начала в человеке или выражение “апокалиптического зверя”, но органическая перестройка биологической природы существа, которое проделало путь, “обратный по Дарвину”. Животное начало в человеке по его представлениям не абсолютно плохо, оно естественно и потому ценно, но нуждается в доработке и правильном расположении относительно Мироздания. Платонов настолько высоко ценит естественное животное начало в человеке, что предпочитает воспитанию в мецанской семье – воспитание в логове волчицы (тема, явно процитированная Платоновым из обширной литературы о различных вариантах “маугли”), правда, затем – с образованием, развитием “человеческого знания”, в этом случае человек мог бы развить “до конца ту возможность, которую он имеет, по рождению от отца-человека” (П, 134).

Социальная, культурная, половая, временная ограниченность “умирающего” человека обозначается у Платонова символами, связанными со значением протяженной линейности. Так, например, в статье “Герои труда”, описывая жизнь кузнеца и литейщика, он называет жизнь рабочего “до революции” “длинной черной лентой”, или “глистом”, вплотную приближая нас к мотиву “человека-червя” Альберта Лихтенберга в “Мусор-

ном ветре” (П, 113). Подобным же образом сформировано представление о судьбе отца писателя, П. Ф. Климентова, “тянется его жизнь, как нераспутанная нить” (П, 113), трагизм и основная черта этой “линейной жизни”, говорит Платонов – в отчуждении себя от мира, в трате своей жизненной энергии на пустяки и незначительные для Вселенной вещи, вдалеке от своего истинного пути и предназначения. Отсоединенный от смысла и Истины мироздания, П. Ф. Климентов “живет он как чужой”, и это свойство повторяется в описаниях всех “героев труда”. В них заключена трагическая двойственность: с одной стороны Платонов восхищается их трудовым подвигом, который и есть главное, что может на земле человек, и призывает нас к этому, с другой – они живут некой бессознательной животной жизнью, их миропонимание раздвоено, “будто не ты живешь, а тот упорный дядя, который в тебе” (П, 113). Неполнота победы сознания на бессознательным, жизни – над смертью, живой энергии – над косным мертвым “веществом” приводит к конкретным трагическим судьбам людей, одаренных творческим потенциалом и громадным трудолюбием.

Атрибуты этой тяжелой, смертной жизни – линейная протяженность, приводящая, параллельно к “Котловану” и “Мусорному ветру”, к ее похожести “на сон” (П, 113). В качестве одного из предварительных эскизов будущего медведя-кузнеца в романе “Котлован” в очерке “Герои труда” появляется кузнец Алексей Филатович Неведров. В описании внешнего облика этого человека Платонов актуализирует его внешнее уродство и внутреннюю красоту, а также потерю человеческого образа: “ему за пятьдесят лет. Он изувечен, без живого места и пять лет ходил горбатым от тяжелых подъемов. Он и сейчас работает на большом паровом молоте в кузнице... Он более двадцати пяти лет работает на самой тяжелой кузнечной работе...” (П, 114). Одним из важных свойств “пролетариата”, как лучшей части человечества, наиболее готовой к преобразению, Платонов называет внутреннюю и внешнюю пластичность. Помимо свободы и гибкости их мысли, они располагают также мистической способностью произвольного изменения своих телесных качеств, другими словами, их тела меняются в зависимости от типа их энергетического отношения к Вселенной, являясь формой из энергетического смирения в рамках той Новой религии, которая должна стать программой для строительства культуры Вечного человека. В данном случае Платонов указывает на терпеливость и покорность кузнеца, который еще не выразил своего протеста против своего положения. Во внешнем облике А. Ф. Неведрова Платонов акцентирует внимание на его мироощущении, сходном с мироощущением домашнего животного. Причиной

тому – его жизнь, которая уродовала его “за двадцать пять лет... сделала темным и терпеливым, торопливым, пугающимся старичком, услужливым и покорным до крайности, до жалости и муки” (II, 114-115). То же самое мы видим и в описании отца Платонова: Платон Фирсович Климентов “проработал двадцать пять лет, получил грыжу, потерял зрение и почти оглох” (II, 115). Красноречивое описание бессознательно-животного состояния своего мессианского “пролетариата”, очевидно не готового к выполнению той вселенской работы, которая возложена на него Новой религией Платонова, оканчивается мыслью о ряде необратимых изменений самих органических свойств человека: “И Алексей Певедров никогда не знал и не узнает, что он лучше многих умных и парядших” (II, 114).

Другой персонаж статьи “Герои труда” – литейщик Федор Степанович Андрианов. В описании его внешности снова используется тот же прием – это параметры искаженного, изуродованного тяжким трудом физического состояния. Поскольку труд – “это битва”, рабочий воспринимается как инвалид войны, “потративший” свое тело на дело – к сожалению для молодого Платонова, совсем не то дело, какое он считал достойным “пролетариата”. Он “также изувечен и измучен этой битвой”, как и его товарищи: “он глух, весь в ожогах и не ходит, а бродит и еще давно начал ходить помаленьку, когда был помоложе...” (II, 116). Неспособность к нормальной ходьбе и зооморфные черты – два основных параметра “пролетария”, который отдал свою энергию миру. Они затем многократно повторяются во многих произведениях писателя: неспособный ходить, но лишь ползающий или хромающий по земле Лихтенберг (“Мусорный ветер”), ползающий (по – в вертикальном положении) Жачев из “Котлована”, как и “литейщик Андрианов”, “истративший половину своего тела”, вплоть до ее полного исчезновения. Что касается Жачева, то анатомические особенности тела инвалида можно принять как намек на концепцию тела человека у Флоренского, данную им в его труде “Столи и утверждение истины”. В этом труде идеальное телесное “я” человека трехчастно: голова, грудь и живот. Жачев, таким образом, напрасно жалуется на то, что он “неполный человек”, по П. Флоренскому, у него есть все, что необходимо человеку.²⁷

Обратим внимание на то, что литейщик – это человек, который формует землю, создавая из нее новые предметы – и эти новые предметы

²⁷ Возможно, что Платонов, как и Флоренский, нашел эту доктрину самодостаточного “безногого человека” в книге: О. Пелладан, Гомологическая анатомия. Тройная двойственность в теле человека и остаточная полярность его внутренних органов, Paris 1896.

есть отпечаток земли, сформированной руками человека. Платонов обращает особое внимание на это обстоятельство, равно как и на то, что положение Андрианова в цехе необычно, оно напоминает положение вождя или старейшины. В другие рабочих цеха также подчеркнуты зооморфные черты: “его любят и слушают за то “свиной” (так называют рабочие других цехов литейщиков за их копание в земле)” (П, 117). Почему же идеальный пролетарий, “медведь” в романе “Котлован” оказался именно “кузнецом”? Кузнец – это как бы “литейщик наоборот”: не создавая негативных отпечатков искомой формы в земле, он преобразует в эту искомую форму непосредственно своей мыслью – он выковывает предметы из самого разогретого (получившего максимальную энергетическую подпитку и потому – пластичного) “вещества вселенной”. Кузнец и литейщик – это вовсе не профессии, но метафизические прообразы людей будущего, способных формировать из пластичной материи Новую Землю – дом для преображенного Вечного человека. Рабочие из статьи “Герои труда” имеют разные специальности и профессии, но их объединяют два свойства: высочайшее мастерство и искалеченная до неузнаваемости человеческая сущность: “гениальное мастерство в работе” и то, что “тридцать лет героического труда искалечили, наполовину убили” этих производственников-подвижников (П, 117). “Наполовину убитый человек” – это и половина телесного вещества человека, “полутело” Жачева, и, одновременно, половина человеческого сознания – “медведь-кузнец” из “Котлована”. Признаки этого зооморфического начала в человеке отмечаются у всех героев, затронутых энергетическим кризисом, например, у Активиста в “Котловане” – “Ты чуешь классы как животное” – говорит ему Чиклин (К, 205). С другой стороны, повествователь “Котлована” указывает и на причины этих мутаций. Медведь “седой”, это объясняется тем, что он “жил с людьми – вот и поседел от горя” (К, 200-201). Обратный процесс – очеловечивание вещей и животных, которые также подтягиваются, не “сверху”, от человека, но снизу, от животного – к “медведю-кузнецу” в “Котловане”: лошади, вместо ушедших из жизни хозяев, сами собираются в колхоз, сами обобществляют сено и овес, собирая его по своим дворам и несут его к колхозную кучу (К, 186-187). Не случайно, что “любящий себя” и сосредоточенный на половом самодовольствии персонаж “Котлована”, имеющий зооморфную фамилию Козлов, уходя из монастырской общины строителей в ряды “профуполномоченных”, словно бы в смерть “безмолвно отошел в высшую общественную жизнь...” (К, 157). Когда Лихтенберг рубит свою ногу, он

уже имеет дело с телом животного, онтологически чужим ему – “рубить было трудно... говядина не поддавалась” (МВ, 311),²⁸ что не умаляет значения этого знака подвига самопожертвования. Мотив жертвы собой ради сохранения и обережения жизни на Земле – главная тема статьи Платонова “Красные вожди” (1920). В качестве сгустка “вещества мироздания” человек связан долгом живого по отношению к мертвому, выполнение которого превышает ценность его личного бытия. Отсюда умение припестить себя в жертву Мирозданию – важный признак свободного творческого человека, преобразующего по космическому сценарию мир. Поскольку на подвижничестве пути, страдая, человек отдает гораздо больше энергии, чем во время долгого и медленного “тления”, делу преобразования “вещества мироздания” необходимы подвижники, жизнь которых не пропадет всею – если дело, начатое ими, по тотальному оживлению “праха земли” будет в конце концов завершено. Платонов рассматривает жизнь “Красной Руси” как питание живой энергией человеческого тела “огня войны”, что для него выглядит как досадная несправедливость, так как эту энергию можно было бы потратить на питание земли – которая ждет этого питания, переживая войну. “Великая страда Красной Руси еще не кончилась, от нас зависит ее кончить скорее... каждая капля жизни России уходит на поддержание огня революции” (II, 53).

Предваряя основную мысль “Мусорного ветра”, в 1920 году Платонов писал: Человек живет в пустыне, “которую мы воображаем садом” (II, 83). Похожая мысль есть у Достоевского, который в 1837 году писал брату М. М. Достоевскому о том, что наш мир – это ад, преодолев который, человек может стать человеком. Важно и то, что для Платонова и действие, и слово – равные формы реализации человека в мире, по человека не оставляет мысль о такой жизни, которая определена им как “полная совершенная жизнь”. Она невыносима для человека, и Платонов в своей статье рассказывает о людях, которые, достигнув ее, умирали. Нет ничего удивительного в смертном состоянии человека, который энергетически изолирован от жизни Вселенной, его жизненные силы в конце концов оканчиваются, он деградирует в животные и растительные формы еще при жизни. Человек, в его нынешнем состоянии по мнению писателя, несовместим с “полной совершенной жизнью” (II, 84). Христос, по Платонову, ступенька к этой “совершенной полной жизни”, перед

²⁸ Е. И. Таубман, Энергетик Андрей Платонов // Энергия: Экономика, Техника, Экология 1997, № 12.

которой он стоял, показывая, где путь к ней, но пока не исчезал в ней. “Крест толкнул его через эту ступень – он ожил, убитый”, затем исчез из этого мира “оттого, что его тело не вместило в себя вопиющей в него вдруг бесконечной пламенной жизни – от силы” (II, 84). Платоновский человек отказывается думать “сам себя как животное” (К, 136). Однако при чистом умозрении человек лишается самой существенной части постижения истины – “памяти вещества” (К, 136), при чем человек отрывается от вещества вселенной (земли) и автоматически оказывается на ложном пути. Социальный мир воспринимается как непостоящий – “мнимый”, он лежит в полосе отчуждения, которая отделяет человека от центра мироздания. Человек, попадая в эту полосу, чувствует себя “песуществоующим”, эта несуществоующность мира тяготит Пухова (“Сокровенный человек”) и от нес бежит Воцев (“Котлован”).

7. Свойства Континуума: “тепло” и “холод”.

Возрождение “праха”

Мертвый ребенок – символ окончательного тупика человеческой истории, потерявшей верное направление, “заблудившейся”, согласно мысли повествователя “Мусорного ветра”. В “Котловане” гибель Настя оказывается пунктом нарастания смерти в мире, своего рода точкой замерзания жизни, в “Мусорном ветре”, как завершение Конца Света, Лихтенберг видит в поселке мертвых детей, безумную мать с мертвым ребенком на руках. Тотальная смерть описана с использованием ряда, характерного для других произведений Платонова, напр., “Котлована”: “холод”, означающий дошедшую до края энтропию, знак “тепловой смерти Вселенной”. Если в “Котловане” Настя погибает от холода, ее тщетно пытаются согреть Чиклин и другие герои романа, то в “Мусорном ветре” описаны двое мертвых детей, которые покрыты инеем, несмотря на то, что на дворе, судя по всему, положительная температура. Повествователь указывает на это страшное несоответствие, имея в виду, что дети умерли не от температурного холода, но от особого “холода” энергетического истощения, которое принес собой “мусорный ветер”: “Она... укрывала сияющего ребенка от неопутимого для Лихтенберга холода”, “снега холода – изморозь – действительно распространялась по тонкой коже обоих детей” (МВ, 310).

Подобно тому, как в “Котловане” Настя олицетворяет собою бессмертие будущего Нового Адама, не готового возникнуть в условиях падения жизненной силы Земли, а строители – вечно умирающее и снова

рождающееся человеческое существо, отношения между ними – это отношения между грядущей Вечностью и сегодняшним ограниченным временем. Для Платонова отношения между старшим и младшим поколением напоминают отношения между мертвым и умирающим и вечно живущим. В своей статье “Душа мира” он пишет: “некому, кроме ребенка, передать человеку свои мечты и стремления; некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь” (II, 66). Платонов осмысляет ребенка как владыку человечества, потому что ему принадлежит все, что создано и то, что еще не придумано и не создано: “в жизни всегда господствует грядущая, ожидаемая, еще не рожденная чистая мысль, сила которой заставляет кипеть нашу жизнь” (II, 66). Пока Новый Адам еще только в проекте, женщина питает человечество, очищая его новым поколением, “она сводит небо на землю, совершая поступая человека” (II, 66)

Мотив отдачи своей жизни за детей, которые в нынешнем смертном состоянии человечества – единственные подлинно живые существа в мертвом мире, содержится в статье “Знамена грядущего”. Попытка спасения детей от смерти, предпринятая Лихтенбергом, напоминает строки из этой статьи Платонова: “Большие – только предтеча, а дети – спасители вселенной... Коммунистическая Россия есть единственная обитель детей на земле и все большие должны пасть жертвой за эту обитель грядущего” (II, 130-131). Дети и животные выражают пластичность человеческого существа и его космические возможности, мутации Лихтенберга в обезьяну соответствуют вызывающим недоумение многих исследователей странно теплым отношениям между главным “палачом” и “коллективизатором” – медведем-кузнецом и Настей в “Котловане”. Ключом к пониманию этих двух персонажей – Насти и медведя-кузнеца – является статья “Клуб-школа” (1921). Как уже не раз отмечалось, невзирая на целый ряд жестоких поступков и активное участие в раскулачивании, медведь-кузнец последним прощается с Настей; недооценивать этот элемент художественной структуры “Котлована” недопустимо.

Для Платонова детское и животное тесно взаимосвязаны, в ряде случаев смыкаются. Детское обладает безусловной ценностью, оно есть незаполненная чаша жизни, свободная для всего нового, как он писал в своей рецензии на детский концерт, статье “Знамена грядущего” (II, 130). В статье же “Клуб-школа” он прямо сравнивает детей и животных, называя ребенка “отпечатком всего прошлого”, своего рода “зверьком”, который, начиная с одной клетки, повторяет путь развития живого на Земле и быстрыми шагами проходит к “современному уровню человечества”, “ибо ребенок – это человек вначале, т. е. животное” (II,

133-134). Развивая логику философов Просвещения, Платонов формирует свое понимание “естественности”, соотносимое и с концепциями русских “анархистов”.

Платонов сам, подобно Лихтенбергу или А. Эйнштейну, думал об освобождении человечества от зла смерти и социальных проблем, если возможно будет решить проблему “передачи энергии без проводов”. В 1926 году он писал о двух главных вещах, занимавших его ум: писать письма жене, по которой очень скучал, и думать о возможности провести энергию без проводов – “когда не будут нужны такие дорогие посредники, как аккумуляторы или сеть проводов”.²⁹ Через десять лет, в 1936 году он напишет жене о том, что сделал эпохальное открытие – “печально открыл принцип беспроводной передачи энергии. Но только принцип. До осуществления – далеко...” Это тайна, до сих пор никто не знает – что за принцип открыл Платонов. “Это одна из загадок его жизни”, считает исследователь “энергетической темы” в жизни Платонова Е. И. Таубман.³⁰ Совершенно не обязательно ответ на этот вопрос заключается в каком-то сложном техническом устройстве типа пресловутого “резонатора-трансформатора”. Ответ на этот вопрос содержится в его произведениях. Вероятно, это многократно описанный им в произведениях 1927-1934 гг. принцип любви-тепла, то есть непосредственного приема и передачи жизненной энергии человеком другому человеку или “веществу земли”. Таким образом, любовь и свет – важнейшие формы энергии Мироздания, и потому о “300.000 км. в секунду” как революционным открытии, перевернувшем историю человечества, говорит Платонов в своей статье “О любви” (1921). Человек, по мнению писателя, это животное, которое удачно подражает миру, приспосабливается к нему – еще не до конца приспособилось, но хорошо понимает свои проблемы. (П, 180). Эта тема человека, устремленного к Вечности и переживающего состояние любви “животного” повторяется затем в “Мусорном ветре”.

В широкое понятие “энергии” Платонов включает все виды притяжения и отталкивания, существующие в мире, включая, конечно, и любовь – один из главных видов энергии Мироздания, освоенных и активно используемых человеком. “Электричество – легкий, неуспешный дух любви: оно выходит из всего и входит во все, где есть энергия” (П, 155). Поскольку энергия, как уже ранее доказал Платонов, есть всюду,

²⁹ Там же, с. 50.

³⁰ Цит по изд.: Н. Корниенко, История текста повести “Эфирный тракт” // “Здесь и теперь” 1993, № 1, с. 46-53.

следовательно, всю Вселенную прописывает верховный вид энергии, присутствующий в высшей форме “вещества”, человеческой мысли – “любовь”, которая оказывается универсальным видом энергетической связи – но этот вид энергии, по Платонову, отличается тем, что не всегда переходит в другие формы, и в этой нестыковке – трагедия земной жизни человека. Как инженер-электротехник, придавая большое значение вопросу о емких и мощных аккумуляторах энергии (П, 156), Платонов считает и человека такого рода “аккумулятором” любви, хранилищем универсальной энергии, спасительным для самого человека, его ближнего и потому – для Мироздания. Способность делиться своей энергией с другим и большая емкость личной энергетике – условие связи между людьми, без которой, верил Платонов, нельзя осуществить связь между человечеством и Космосом, представленным для них в первую очередь Землею.

Мысль о том, что любить другого - это религиозный акт соединения в одно целое двух существ, стремящихся тем самым слиться со всем Мирозданием, встречается в письмах Платонова к жене, написанных в 1934 году. Полнота существования человека обеспечивается сочувственным вниманием другого “я”. Платонов формулирует эту мысль так, что под этими словами мог бы подписаться и автор известной “концепции диалога” М. М. Бахтин: “Как хорошо не только любить, но и верить в тебя как в Бога (с большой буквы)... иметь в тебе личную, свою религию. Любовь, перейдя в религию, сохранит себя от гибели и от времени. Как хорошо в этом Боге не сомневаться, имея личность божества всегда перед собою”. Продолжая эту мысль, Платонов называет любовь спасительной силой, способной вернуть человеку его потерянную жизнь: “Мое спасение – в переходе моей любви к тебе в религию. И всех людей в этом спасение”.³¹

В своей статье “Христос и мы” (1920) Платонов формирует представления, имеющие непосредственное отношение к той концепции творческого преображения Вселенной, которая оказалась зерном хроптона “Мусорного ветра”. Критика христианства, которую допускает здесь Платонов, сохраняет элементы логики, которую мы можем встретить в трудах Н. Федорова, В. Соловьева, Н. Бердяева, В. Розанова и Р. Штайнера, известных Платонову. Особенно этой статье актуализировал Н. Бердяев, с его трактовкой Христа как образца отпуть не смирения, по

³¹ Цит. по изд.: А. П. Платонов, Государственный жилец: Проза. Ранние сочинения. Минск 1990, с. 584.

активного, деятельного участия человека в Творении, противостоящего навязанной человеку пассивно-ангельской модели, ведущей его не к спасению, но к окончательной гибели. Похоже на Бердяева, Христос по Платонову – “великий пророк гнева и надежды”, которого превратили в пророка “покорности озверевшим насильникам” (II, 50). В своей статье писатель развивает два постулата, связанных с книгой Н. Бердяева “Смысл творчества”, каждый из которых получил адекватную реализацию в “Котловане”:

1. Религиозное отношение к жизни – вещь важная и необходимая, но церковь, оторванная от реальной жизни, вредна и губительна: “Души людей помертвели и руки опустились у всех от ожидания веками царства Бога” (II, 50-51);
2. Религия, оторванная от жизни, становится мертвой религией, “мертвые молитвы бормочут в храмах служители мертвого Бога” (II, 50), (как и у Бердяева в “Смысле творчества”, для Платонова смирение перед Богом убийственно для человека, персональное же творчество в унисон с Творением – спасительно, и для человека, и для мира);
3. Платонов не ставит вопрос об уничтожении храмов, он хочет освободить их от “торгашей и насильников” – подобно тому, как это сделал сам Христос в известном эпизоде из Евангелия;
4. Платонов не ставит вопрос о ложности христианства, он говорит о ложном понимании христианства, в рамках которого был совершен главный просчет – ложная религия неверно ориентировала человека по отношению к земле, и потому “земля гнила, не жила, и мучилась под навалившимся на нее зверем” (II, 51). Животное начало в человеке развивается именно потому, что сам характер отношения человека к Земле носит ангельско-животные черты. “Зверское” начало проявляется в человеке в тотальной сосредоточенности человека на своей плоти, переживании своей телесной конкретности, отделенной от всего остального “вещества мироздания”. Такого рода “навалившийся зверь” зримый или незримый персонаж всех произведений Платонова, не исключая “Котлован” и “Мусорный ветер”.

Лихтенберг видит падение человеческой функции в Мироздании, которое приводит к превращению человека в животное, это происходит в русле логики Н. Бердяева (“Смысл человека”): человек существует на Земле в космической нише, предназначенной для животного, он отказывается от использования своей свободы, своего творчества, он не желает отнестись к Земле как к своему дому, замыкается в узкой сфере своих животных инстинктов, отказываясь от дара Божьего, творчества,

стремится отказаться от свободы и быть похожим на ангела. “Я не пахожу следа простого человека, я вижу происхождение животных из людей...” (МВ, 302) – говорит Лихтенберг. Все, что остается сделать апостолу Новой веры, который произнес свою последнюю проповедь – это последовать примеру героев Котлована и вложить свою жизненную энергию, ее остатки в сопротивление наступающей энтропии.

Ощущая гибель мира, переживая себя как сознание (“сердце”), окруженное мертвой плотью, Лихтенберг ищет глазами остатки живого на планете и находит дерево, с которым у него устанавливается этический контакт, обозначенный первым этическим вопросом “Кто ты?”. “Внимательно и нежно он стал глядеть на это деревянное растение, мучимое тем же томлением, тем же ожиданием прохладного ветра в этом пыльном дуневном существовании...” (МВ, 297). Дерево оказывается уцелевшим островком любви в царстве ненависти и энтропии и это перераспределение энергии в мире приводит в концентрации положительной этической энергии в растениях, преобразуемых накопленной ими жизненной силой до состояния разумных существ. Подобно тому, как в “Котловане” лошади очеловечивались по мере того, как зверели люди, в “Мусорном ветре” дерево обретает способность к осмысленному этическому движению. В ответ на вопрос Лихтенберга “ветви и листья склонились к утомленному человеку. Альберт схватил близкую ветвь с той страстью напряженного дружелюбия, перед которым вся блаженная любовь на земле незначительна” (МВ, 297). Контакт с деревом придает Лихтенбергу силы, энергия, аккумулированная деревом, передается человеку. Такого же типа отношение демонстрирует Воцев к “сухому листу”, которому “предстояло смирение в земле” (К, 126), любые следы живого существа вызывают у него чувство острой жалости и сочувствия, он пытается сберечь эти следы жизни: “Воцев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка...” (К, 126), находя их не только в растительном мире, но и в минеральном – например, “камешек”, который он также подбирает, трактуя его как “слипшийся прах”, “кчал его на хранение в свои штаны” (К, 142).³²

Таким образом, Платонов сформировал не только “новую веру”, но и соответствующую ей троицу, о которой он вспоминает по следам своей командировки в воронежскую степь. Три венца тогда поразили Плато-

³² Ср. символ “вечной жизни” в произведениях Ф. М. Достоевского – “клеякий зеленый листочек”, в котором пересеклись два символа Платонова, обозначающих то же: “детство” и “живое растение”.

пова: “дальняя дорога в скромном русском поле, ветер и любовь”, другими словами, его Космос был образован пространством (“дорога”), временем (“ветер”) и энергией бытия (“любовь”). “История для нас уменьшающееся время, выковка своей судьбы. Природа – законченное время; законченное потому, что оно остановилось, а остановившееся время есть пространство, т. е. сокровенность природы, мертвое лицо, в котором нет жизни и нет загадки (...) Но человечество живет не в пространстве – природе и не в истории – времени – будущем, а в той точке между ними, на которой время трансформируется в пространство, а из истории делается природа. Человеческой сокровенности одинаково чужды, в конце концов и время, и пространство, и оно живет в зеве между ними, в третьей форме, и только пропускает через себя пламенную ревущую лаву – время и косит глаза назад, где громоздится этот хаос огня, вращается смерчем и вихрем – и падает, обессиливается – из свободы и всемогущества делается немощь. И ограниченность – пространством, природой, сознанием.³³

Поскольку жизненная энергия маркирована специфическим живым теплом, то соприкосновения героев произведений Платонова имеют глубокий смысл “обмена энергией”. “Тепло” оказывается единственной настоящей ценностью этого мира, поэтому соборные отношения героев “Котлована” маркируются мотивом “обмена теплом” (“Настя легла в постель Сафронова, согрела ее и ушла спать на живот Чиклипа” - К, 175). Специфический для художественного мира Платонова “холод”, напротив, имеет множество параллельных обозначений, связанных с “отсутствием времени и пространства”, “смертью”, “тьмой”, “бессознательным” состоянием ума. “Холод” имеет безграничные размеры и плоскую форму (двумерность), и соотносится с переживанием удаления от точки истины, “усталостью” и “печалью” (“тоской”). Локус “холода” – большое мертвое плоское пространство, например, “мертвое поле”, на котором начинается работа по строительству котлована (К, 173). Воцев приходит в барак, где снят рабочий, своего рода ангелы Конца Света, и наблюдает “бессознательные человеческие лица”, характерные для мертвых естественные позы (“снящий лежал замертво”), признаки не сна, но смерти (“охлажденные ноги беспомощно вытянулись”, “никто не видел спов”), рабочие были “худы как умершие” и выглядели как скелеты, обтянутые “кожами и кожей” (К, 130). От всей этой картины “Воцев почувствовал

³³ Цит. по изд.: Н. Корниенко, История текста повести “Эфирный тракт” // Здесь и теперь 1993, № 1, с. 46-53.

холод усталости” (К, 130). Некоторые исследователи этой темы обнаруживают у Платонова некрофилию, движение его героев описывают направлено “не из гробов, а в гробы”.³⁴ Однако вряд ли это так: будничная ширвана не выглядит положительной ценностью для героя А. Платонова, сосредоточенного на героической попытке спасения мира от смерти и торжестве жизни во Вселенной, за счет личного вклада в него своей жизненной энергии, ради усиления энергии бытия.

Еще одна деталь структуры “Мусорного ветра”, совпадающая функционально с “Котлованом”: руины “давно заброшенного керамического завода”, который обозначает локус смерти: в “Мусорном ветре” играют роль места, где должна состояться казнь Лихтенберга и Ядвиги Вотман, в “Котловане” – место смерти матери Насти. Любовное ухаживание за скелетом матери, которое затевает Настя в первой редакции “Котлована”, оказывается совпадающим по значению с мечтами Лихтенберга о будущем скелете Ядвиги Вотман, который может оказаться в его объятиях по прошествии десяти лет: “скелет Альберта обнял бы скелет Ядвиги – на долгие тысячелетия” (МВ, 309). В обоих случаях актуализирована “минеральная”, химическая твердь человеческого тела, тело человека, захороненное в землю, оказывается естественной составляющей плоти той “минеральной Земли”, о которой писал Лихтенберг и в которую углубляются, ища спасения, строители “Котлована”. Уголовные “с гробами на головах”, как и крестьяне в “Котловане”, движутся в пикуда – “за горизонт” (“Котлован”). Параллельная Котловану из одноименного романа Платонова “провальная яма” в земле (“Мусорный ветер”), где погибает офицер и где находит свое спасение Ядвига – развертая плоть “вещества мироздания”, спасительная для одних и губительная для других, в зависимости от их этико-энергетического наклона.

Поэтому взаимное расположение людей на кладбище, вещь в быденной жизни весьма условная и не знаковая (кроме похорон родных), оказывается чрезвычайно важной деталью. Строители Котлована стремятся ложиться как можно ближе и лицом друг к другу, люди укладываются в лоно “матери сырой-земли”, располагаясь друг относительно друга особым, значимым образом. Воцелв занял там свое место, раздвинув сияющих на полу и “лег для тепла среди двух тел” (К, 130), пульс живой жизни маркируется у Платонова словом “тепло”, которое имеет мало па-

³⁴ Е. Касаткина, “Прекращение вечности времени”, или страшный суд в котловане (Апокалиптическая тема в повести “Котлован” // “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2, М. 1995, с. 182.

раллельных обозначений и фактически является символом энергетической заряженности. В рамках этого семантического поля оказывается “время” и “пространство”, “жизнь”, “свет”, “чистота”, “сознание”. Точка истины находится в пределах пространственно-временного континуума, но не вне его. Переживание соприкосновения с точкой истины – радость или спокойствие ума. Локус “тепла” – место обитания жизни, небольшое локальное “место”, например, человеческое тело. Настя – “то теплое место, откуда исходит разум и прелесть малой жизни” (К, 138). “Тепло” имеет объем и отграниченность от “холода”.

Поскольку количество “тепла” в человеке может быть пусть и самым небольшим, но все-таки присутствовать, то разница между живым и мертвым, спящим и бодрствующим, стирается и носит не качественный, но количественный характер. Переход из одного состояния в другое обратим и потому смерть оказывается временной и ее значение относительным. Мертвые – “люди особенные”, указывает Чиклиш, а, увидев мертвого Сафронова, он задает естественный в рамках этой логики вопрос: “Ты что, Сафронов, совсем улегся, иль думаешь встать все-таки?” (К, 179), после чего сам присоединяется к Сафронову, ложится рядом с ним – чтобы попытаться поделиться с ним своим теплом, понимаемым им как жизненная и животворящая сила бытия. За отрицательным отношением к небытию проглядывает надежда на ипобытие, форма которого неизвестна, но ключевые параметры которого – “тепло”, “свет” и, одновременно, радость по поводу нового “дня”, девятого дня библейской истории, где новый Адам найдет Эдем на преображенной земле. Готовясь к этому преобразению земли, строители котлована, конечно, не могут сделать ничего полезного, кроме выполнения неких предварительных подготовительных работ – большой Котлован может впоследствии пригодиться. Такова не официальная, но внутренняя логика трудового энтузиазма “вольных каменщиков” будущего Эдема. Смысл их участия в творении мира – не дать нарастающей в мире энтропии поглотить остатки их жизненных сил, их “тепла”, сохранить свое бытие в форме преобразованной для Нового Эдема земли. Чиклиш отнимает Настю от тела мертвой матери с мотивировкой – “чтобы девочка не тратила свое тепло на остывшую мать” (К, 162-163) и забирает с собой, где сам будет делиться своим теплом (= жизненной энергией) с Настей.

Специфическое употребление температурных знаков – одна из важных черт поэтического языка Платонова. Если в “Котловане” и “Мусорном ветре” “тепло” означает присутствие живой энергии и защиту от смерти, то “холод” и “жара” (“духота”), напротив, сигнализируют об энергетической пустоте и скорой гибели человечества. Символика ветра

также остается в обоих произведениях в одном, сугубо отрицательном значении – как знак пустого и смертного места. Так, в “Котловане”, “...в поле простирался мутный чад дыхания и запаха трав. Он осмотрелся вокруг и всюду над пространством стоял пар живого дыхания, создавая сонную, душную незримость...” (К, 173), также и в “Мусорном ветре” – подчеркнуто “потоки жары” (МВ, 297), обволакивающие главного героя. “Колхоз” в “Котловане”, как место пустое и плоское, находится в зоне смерти, одновременно он есть воплощение одномерного измерения, линии, остановленной в точке: он называется “Колхоз имени Генеральной Линии”. Поэтому если апокалипсис в “Котловане” выявляется с помощью пикального ледяного ветра, уничтожающего жизнь Настю, то в “Мусорном ветре” Лихтенберга окружает “жаркое пространство”, мертвый “мусорный ветер” (ветер, несущий лишнюю живую энергию “пыль”) – символ энтропии, использованный Платоновым во многих других произведениях). Спасение предстает в виде энергетики прохладного ветра.

Отвечая на вопрос, есть ли грань между живым и мертвым и где она, герои Платонова формулируют две позиции:

- 1) человек – живое, слабое и временное существо, окруженное бесконечным абсолютно мертвым пространством, агрессивным по отношению к нему, а смерть – это небытие и избавление от страданий (Прушевский в “Котловане”, жители Европы в “Мусорном ветре”)
- 2) человек – тотально живое существо (вещество, энергия), но не после смерти, а уже сейчас. Он лишь бывает иногда мертвым – если его убивают или когда он спит. Потом он может ожить – если мера “тепла” (живой энергии) в его теле будет достаточной. Можно отогреть живого и можно теплом оживить мертвого (Чиклин). Он сам пытается так воскресить Сафронова и спасти от “охлаждения” (гибели) Настю.

Практически все диалоги Чиклина и Прушевского в “Котловане” сводятся к этой теме: “- Она уже мертвая! - удивился Прушевский. - Ну и что же? – сказал Чиклин. – Каждый человек мертвый бывает, если его замучивают” (К, 166). Растворение мертвого тела в массе “вещества” носит спасительный характер, тело человека входит в живые растения, которые растут на кладбище. Этот элегический момент вносят один из мужиков, пришедших к строителям за гробами: “А я, Елисей Саввич, под кленом дубравным у себя во дворе, под могучее дерево лягу... умру - пойдет моя кровь соком по стволу, высоко пойдет!” (К, 171).

Поскольку человек,вольно или невольно, обменивается с окружающим миром своей энергией (“теплом”), то социально-экономическая жизнь – один из главных способов бесполезного убийства космической

энергии, выдуманый стоящим на ложном пути человечеством. Переход энергии в вещество совершается во время производственного процесса – грузовик, например, есть отлитое в техническое устройство существование людей, участвовавших в производственном процессе, истративших свою жизнь на создание этого механизма. В “Мусорном ветре” “трепещущий жар выходил из железа; тысячи людей, обратившись в металл, тяжело отдыхали в моторе, не требуя больше ни социализма, ни истины...” (МВ, 299). Напротив, работа строителей “Котлована” – это сознательная попытка вложения личного бытийного капитала в будущий “девятый день” Истории человечества. “Пусть сейчас жизнь уходит... ее можно организовать впрок” (К, 142). “Истомленный Козлов сел на землю и рубил топором обнажившийся известняк... спуская остатки своей теплой силы в камень, который он рассекал – камень нагревался, а Козлов постепенно холодел” (К, 138-139).

Задача человека на земле – “прожить жизнь без остатка”, вложив максимум накопленной и выработанной энергии в “вещество мироздания”, которое и есть “вечный дом” человечества. Поэтому пустое мыслится как мертвое. “Зельда и полицейский оставили пустой поселок, в котором жизнь людей была прожита без остатка” (МВ, 312). Работа платоновского “пролетариата” в этом смысле не имеет географического адреса, она направлена непосредственно к истине, которая не имеет места и времени, но совпадает со всей Вселенной (они работают “не помня времени и места” - К, 138). Переход жизненной энергии человеческого существа в энергию автомобильного мотора это для Платонова не метафора, но реальность бытия той энергии-вещества, свойства которой открылись ему в 1921 году. Строители Котлована, в отличие от безвестных рабочих, изготовивших грузовик для нацистов, не хотят тратить все энергию своего бытия, и, не находя другого адреса, пытаются саму Землю сделать прямым восприемником их жизненной энергии, не доверяя больше себя “производству”, тратящему их жизненную силу понапрасну – на изготовление предметов комфорта и роскоши (“пустых вещей”).

В Новой европейской истории люди перевели свое бытие в форму металлических деталей автомобильного мотора, который, одновременно оказывается и “могилой-памятником” этим человеческим жизням, перелившим свою энергию в вещество технического устройства. Лихтенберг находится перед двумя памятниками, воплощающими две силы, противоборствующие в этом мире: 1) энергетически бесплодный, шумный и крикливый, агрессивный и тупой, не способный ни производить, ни хранить энергию Бытия класс обывателей, которые “шагают в рядах государственной охраны” и 2) “пролетариат”, “молчаливый и могучий”, кака-

ливающий энергию (каждый “в день по сто лошадиных сил”) (МВ, 299), которой его лишают “праздные” и отдающий, в конечном итоге, ее им же, предохраняющий мир от окончательного “истощения” и “утомления”. Памятником первому становится бюст их лидера, Адольфа Гитлера, памятником второму – автомобиль, на котором этот памятник привезли. Если первый воспринимается им как “полутело”³⁵ и некий языческий символ смерти и уничтожения, то второй – оказывается все той же “братской могилой”, которую мы фактически видим и в Котловане: “Лихтенберг прислонился лицом к машине, как к погибшему братству; сквозь щели радиатора он увидел могильную тьму механизма, в его теснинах заблудилось человечество и пало мертвым...” (МВ, 299). Гибель человечества лежит на пути истощения сил Земли в производстве механизмов, которые будут служить не делу преображения мира, но удовлетворению растущих чувственных удовольствий обывателя.³⁶

Трагедия в том, что Лихтенбергу приходится проклинять оба памятника – и “могилу пролетариата” автомобиль, и бюст Гитлера, нанеся каждому по два ритуальных удара. Здесь возникает специфическая символика: на автомобиль, “братскую могилу пролетариата”, приходится один удар палкой и другой – “головой с равнозначной силой о тот же радиатор”, а Гитлеру достается два удара палкой, причем палка ломается. Ценностный фактор здесь проявляется по-разному: в первом случае на “братскую могилу пролетариата” приходится два посягательства: одно со стороны не спасшего его от унижения и гибели интеллектуала, а второй – со стороны обывателя, по страданиями все того же интеллектуала. Во втором случае – вся энергия сопротивления исходит только от интеллектуала. Мы видим здесь определенную концепцию отношения интеллектуала, обывателя и “пролетариата”, в метафорической форме выстроенную Платоновыми и скорее всего свойственную отнюдь не только Германии. В чем же ошибся “прекрасный девятнадцатый век”? В том, что в двадцатом веке эту фразу некому будет сказать и Лихтенберг, панедший вокруг себя только одно по-настоящему живое существо – дерево, произносит эту фразу в пустоту, это мрачный апофеоз подходя-

³⁵ “Полутело” из “Мусорного ветра” трактовано так же как реализация римско-католической атрибутики в рамках сталинского террора. (Л. Дебюзер. Альберт Лихтенберг в мусорной яме истории // “Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2, М. 1995., с. 244-245).

³⁶ Здесь можно наблюдать аллюзию на Салтыкова-Щедрина (“Сказка о том как один мужик двух генералов прокормил”) – “Один убогий труженик содержал десять человек торжествующих господ” (МВ, 299).

щей к своему самоисчерпанию и только потому замедляющейся энтропии: “сказал Лихтенберг в пыль воздуха...” (МВ, 299).³⁷

8. Отрицание “производства”: оправдание человека

В статье “Будущий Октябрь” Платонов описывает принципиальную несовместимость человека с производством, фактически разрабатывая коллизию, легшую в основу зачина романа “Котлован”. Начиная с обсуждения темы сохранения личности в условиях коммунизма, от синонимичных вопросов в социально-общественной плоскости, Платонов быстро переходит к гораздо более интересному вопросу – проблеме будущего перерождения и преобразования человечества и планеты Земля. В сущности, в этой статье содержится резкое отрицание марксизма (исторического материализма) сразу по нескольким принципиальным пунктам. Бытовому равенству, которое Платонов, в сущности, отрицает, он противопоставляет общество “принципиального равенства”, которое будет выражаться только “в исключительные моменты общественной жизни – в празднествах, в научных коллективных победах, в искусстве” (II, 118). Производство Платонов называет “телом коммунистического общества” (параллельно известной модели – “народ – тело Божье”), поэтому характер производства определяет как все целое народа, так и состояние каждого человека в отдельности. Спасение можно только “всем миром”, поэтому “труд – главный, решающий, универсальный момент жизни коммунистического общества, и производство – основная цель этого общества” (II, 118). Наличие же разнообразных профессий – врожденный и тяжкий недостаток старого способа производства, который заставлял человека “работать на чужого дядю”, отчуждал человека от работы и от жизни. Профессиональные и производственные различия между людьми Платонов воспринимает как зло, временную необходимость” (II, 118-119). И “профессия” и “производство” – эти два зла современного мира – будут в будущем преодолены, машина заменит человека на всех тяжелых работах и его труд станет за счет этого более творческим и свободным. В результате должно произойти перерождение самой человеческой приро-

³⁷ Речь Лихтенберга на открытии памятника Гитлеру напоминает речь Великого инквизитора перед Христом в романе Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”, правда, с обратным знаком. Тезисы этой речи совпадают с тезисами Великого Инквизитора почти дословно: “ты первый понял, что на спине машины, на угрюмом бедном горбу точной науки надо строить не свободу, деспотизм...” (МВ, 301).

ды, преобразование его существа, под влиянием новых форм творческого труда, которые, одновременно, изменят и сам мир. Производство средств потребления – это искаженное первичным подходом производство, ведущее к напрасному героизму “героев труда” и разрушению планеты. В будущем, настаивает Платонов, само производство резко изменит свой характер, из “грубого производства” становясь “тонким производством”, то есть: совершится “переход человека в высшие сферы жизни из сферы материального (а может быть и “духовного”) производства” (П, 119), человек сможет остаться чистым творцом и совершится преобразование его плоти не назад, к животному, но вперед, к вечному Новому человеку. Поэтому производство несовместимо с развитием человека и должно совершиться “изгнание человека оттуда навсегда” (П, 119). Воцарив в “Котловане” – первая ласточка этого “изгнания” человека, ищущего истину с производства – он “задумывается”, не желая работать ради “самопожирности исторического процесса” (Ф. М. Достоевский) и потому покидает цех. Платонов не случайно приводит его к новой модели, к производству нового типа – соборному действию с землей, где Истина достигается не умозрением, но научно-практическим экспериментом, где преобразование человека совершается в унисон с преобразованием “вещества мироздания”.

Энергия мысли, единственная, питающая Лихтенберга, переходит в нем в физическую силу, рождая возможность социального поступка: он совершает удар палкой по радиатору автомобиля. Но после того как он исчерпывает эту энергию, он падает в “земной сор”, не испытывая никаких физических страданий, потому что его энергетика исчерпана настолько, что он “мало чувствовал себя как насущное тело и как эгоиста” (МВ, 300). Апокалипсис тем временем нарастает: день теплится еле-еле: “слабо белел день над его зрением”, направление движения погибающего “физика пространств” – погребение как смешивание с истощенным энтропией “веществом земли”, которое, как и в других произведениях Платонова, обозначается тем же набором символов (“грязь”, “пыль”, “скука”): “он свалился в земной сор (...) пыль набилась в его глазницы, и оттуда текли слезы, чтобы смыть нескочущую грязь...” (МВ, 300). Круг замыкается и земля осмыслена в “Мусорном Ветре” и в “Котловане”, как “общий дом под травой” (МВ, 310) всех людей, живших во времени. Убийство “травяной мелочи” во время копания “Котлована” рассматривается как невозвратимая потеря для энергетики Мироздания. “Травяная мелочь”, которая существует в “химической тьме”, имеет два варианта спасения: сцепление корнями со всем земным шаром, и надежду на человека, который придумает ей оправдание и спасение, “искупление из при-

роды” (ЧА, 95). В конце концов, человек, не в силах спасти “травяную мелочь”, смиренно уходит к ней, сливается с ее веществом. Это вовсе не является унижением для человека, поскольку в рамках Энергетической концепции Платонова любой элемент “вещества мироздания” может, при изменении его энергетических параметров, преобразиться во все, о чем может помыслить и о чем не может помыслить человек: “Отчего же человек считается выше тварей и цветов... кто так думал, тот... не наблюдал внизу...” (ЧА, 95).

Поэтому нет противоречия между двумя обстоятельствами: национал-социалисты “умертвили” Лихтенберга, который тем не менее продолжает жить и действовать, как будто иллюстрируя мысль Чиклипа “мертвые – тоже люди”. Согласно последовательно проводимому принципу, до конца мертвого вещества все-таки быть не может и человеческое тело, захороненное в “прах” и “мусор” земли, продолжает сохранять “жизнепечную монаду”, не только готовую к новому возрождению, но и реально живущую в его теле, похороненном в землю, переходящую или не переходящую в нее. Именно поэтому так по особенному хоронит Настю Чиклипа, именно поэтому похороненный в “мусор” (то есть в землю, испорченную энтропией) Лихтенберг продолжает существовать в виде одной только “жизненной монады”, практически потерявшей свое тело, диффузирующее с окружающей средой. Фактически Лихтенберг оказывается в бытийном положении червя, принимающего ближайшее к нему “вещество мироздания” в себя и свободного в переживании своей свободы растворения в “веществе Земли” – “ходить он же не мог...” (МВ, 303).

Платонова волновала не только проблема извлечения энергии из Земли и Космоса, но особенно – вопрос об извлечении питательной для жизни энергии из максимально низкого по энергетическим показателям “праха”. В “Мусорном ветре” эта тема получила новый поворот: в качестве последнего шанса освобождения Европы от “перхоти” и “мусора” выступает биологическая функция тела Лихтенберга, а веществом с низкими энергетическими показателями – оказывается содержимое помойки, поскольку ничего другого на Земле, фактически, уже не осталось. “Лихтенберг зарылся в теплую сырость житейских отходов, съел что-то невидимое и мягкое, а затем снова уснул, согрившись среди тления дешевого вещества” (МВ, 303).

Поэма “пичком”, имеющая особое значение в структуре “Коглопапа” – типологически параллельна “ползанию по земле” Лихтенберга. Вертикальное положение человека теряется за счет потери внутренней вертикали – свободы поиска, накопления и целенаправленной отдачи личной энергии бытия, того, что по мнению Платонова и является основой био-

космической организации человека. Его состояние – это состояние полного телесного растворения в “веществе мироздания”, он живет, извлекая из него остатки энергии – “равнодушно вкушая то, что входит в тело и переваривается там” (МВ, 303). Перерождение тела Лихтенберга и обретение им черт животного: “По телу его пошла сплошная темная зараза, похожая на волчанку, а поверх ее выросла густая шерсть и все покрыла...” (МВ, 303), “его тело уже истрачено” (МВ, 304). Своим телом Лихтенберг указывает на то, куда теперь повернуло, достигнув высшей точки 16 июля 1933 года, время. Дальнейший путь деградации человека – от млекопитающего к простейшим червям. Это признают сами нацисты: “Лихтенберга на работу не посылали, потому что он мог лишь ползти по земле” (МВ, 306).

С окружающей человека полуживой-полумертвой массой “праха”, потерявшей свою энергию земли, можно проделывать две вещи, и таковы здесь два основных мотива рассказа Платонова:

1) отдавать этой массе свое тело в качестве полноценного участника всемирного оборота материи Мироздания (укладывание себя в землю), (Коглован, всевозможные похороны везде и всюду) (“Джан” – растворение парода в теле песочного моря). Смерть - “еда наоборот”;

2) вбирать материю в себя, поесть окружающее вещество, всегда без удовольствия, но с тайным сакральным смыслом растворения в “земле”, растворения обратного тому, которое предлагает первый вариант (помимо “Мусорного ветра”, в котором Лихтенберг поедает окружающую его материю, лежа на помойке, куда его бросили нацисты, можно назвать и пьесу “Шарманка”, где герои активно потребляют неорганическую пищу, а также “Бога” из романа “Чевенгур” приучившего себя пытать себя землей). В этом варианте, как правило, отсутствует наслаждение пищей, а сама пища мало чем отличается от других материалов, из которых состоит земля; съедание окружающего вещества – это “смерть наоборот”, аптисмерть – поэтому “умервительный” нацистами Лихтенберг продолжает жить.

Потеря жизненной энергии приводит человеческое существо не только к обезьяне, “быку”, “медведю” или “собаке”, но и к червю, способному выжить за счет переработки на энергию жизни окружающего его “мусора”, ибо никакого другого источника существования ему найти уже не удастся. Эту же мысль актуализирует и описание памятника Адольфу Гитлеру. Здесь подчеркнуто жадное вбирание в себя самых интенсивных источников энергии – пищевой (“жадные губы”), сексуальной (“опухшие уста... готовые к страсти”), социальной (“сосредоточенность... над организацией судьбы человечества”).

Размышление о проблеме необходимости переработки самых бедных видов источников энергии стала статья “Красный труд” (1920), содержащая описание строительства Шатурской тепловой электростанции, работающей на торфе. Согласно платоновской концепции, в мире нет и не может быть полностью внеэнергетического вещества, и если время формируется пространством, то само наличие вещества связано с присутствием в нем некой живой энергетики. Ценность того или иного предприятия человека измеряется тем, насколько умело он может извлечь живую энергию из веществ с низким энергетическим содержанием – здесь проявлялось особое энергетическое смирение, в отличие, например, от пошлого сжигания угля и нефти, вызывавшего у писателя отвращение. Торф описан в статье Платонова как самое неплодотворное проявление “вещества мироздания”, не случайно он находится “в гнилом, диком, бесплодном месте, на больших болотах” (П, 80). Однако полученная из него энергия будет превращаться в электричество и будет питать механизм преобразования Вселенной – тело Революции (“будет переливаться в Москву для ее фабрик, заводов, трамваев” (П, 80).

Концентрация мысли в сознании Лихтенберга, энергетически сжимающегося подобно нагреваемой коже, сопровождается зооморфическими изменениями в его теле, как будто иллюстрируя идею Р. Штейнера о независимости мысли человека от его тела.³⁸

В центре проблемы человека XX века, которая занимает Платонова в “Мусорном ветре”, находится проблема “вещества-энергии” человеческого сознания, органа, вырабатывающего высшую форму энергии, энергию любви. Спор Лихтенберга с Декартом, развернутый на страницах “Мусорного ветра”, дополняет концепцию человека, уже сформированную Платоновым в его ранних статьях, мысль первична, телесное существо человека – вторично: “Великий Адольф! Ты забыл Декарта: когда ему запретили действовать, он от испуга стал мыслить и в ужасе признал себя существующим...” (МВ, 303). Согласно мысли Платонова, мыслящее существо возникает за счет сверхинтенсивной концентрации энергии Мироздания на каком-то участке Континуума, за счет чего “вещество” обретает черты, диктуемые накопленной в нем “энергией”. Так образуется тело человека и его мозг. Герои “Котлована” перестают мыс-

³⁸ “Те же вещества и силы, что находятся в минеральном царстве, можно найти в человеческом теле в таком сочетании, что через это сочетание может проявляться мышление” - Р. Штейнер, Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначения человека, М. 1910 (М. 1915; Калуга, 1995), с. 57-59.

лить во время работы, напротив, бездействие порождает мысль. Таким образом атрибутом человека, вопреки европейской традиции, оказывается не тело, а мысль; однако само существование мысли оказывается зависимым от внутренней энергетике его тела. С другой стороны, общественная жизнь Европы обретает формы, при которых образуется запрет на мысль: мысль оказывается чем-то маргинальным и необязательным для человека: “Гитлер не мыслит... Альфред Розенберг мыслит лишь бессмысленное, папа римский не думал никогда, но они существуют ведь!” (МВ, 303). Мысль становится последним островком бытия человека и попытки погубить мысль и сохранить “существование” обращают телесного человека в животное, тем не менее, сохраняя истинно человеческое – его мысль и форму ее реализации, любовь.

Картезианская концепция “я мыслю, следовательно существую” опровергается реальностью бытия чистого сознания, растворенного в еще сохраняющей энергию “веществе мироздания”, именно в нем, но не в самом человеке находятся корни жизни: “Декарт дурак! – вслух сказал Лихтенберг...” (МВ, 303), потому что его “мысль” и “существование” оказались на разных сторонах Бытия. Шерсть, покрывающая тела социально унижаемых героев Платонова – обозначение перспектив их будущего преображения в Нового Адама, но с обратным знаком – воплощение ложного пути истории человечества, животного состояния, в которое насильственно загоняют Homo Sapiens. Еще в 1920 году Платонов заметил, что истинно человеческое – это творческий труд, преобразующий человека в форме преобразования окружающего мира. Это преобразование может быть “излиянием его души” (II, 53), причем тело оказывается конкретным путем “излияния души” на мир, как ответа человека на мир, раздражитель и катализатор его волевой активности. Как писал еще в юности Платонов, в Новом Соборе “телесность становится опорой душевного” (II, 53).

9. Взаимопереходы: любовь – мысль, вещество – энергия

Взаимодействие жизненных энергий в Мироздании у Платонова характеризуется моделью, близкой к верованиям полинезийцев, которые хоронили своих умерших поселя их тела для более адекватного хранения их жизненной энергии. Крыса, которая отъела от тела Лихтенберга кусок, принимает в свое нутро не просто его плоть, но часть его бытия, при этом, даже мертвая, она оказывается хранилищем энергии, которую произвел своим телом Лихтенберг из содержимого помойной ямы. Сла-

бость жизненных корней человека, теряющего свою плоть прямо во время жизни, описана в сценах апокалиптического разъединения души и плоти в крестьянах, подвергаемых насильственной коллективизации в “Котловане”: “Ты что – дышишь? - Как вспомню, так вздохну, - слабо ответил человек. - А если забудешь дышать? - Тогда помру” (К, 187). Такого же типа состояния человека, угасающего под напором энтропии Мироздания, описаны в повести “Джан” – в том специфическом состоянии народа “джан” отсутствует граница между жизнью и смертью. Крестьянам, переставшим, как и Лихтенберг, ощущать свою плоть как часть себя, Чиклин советует “порожням жить” (К, 88). По Платонову, как и по Штейнеру, человек не рождается человеком, но становится им – это внутреннее становление проходит перед “двойной необходимостью”: принимая в себя пиццу и после смерти растворяясь в земле, человек участвует в минеральном порядке Вселенной, “законам мышления он подчиняет себя сам”.³⁹

Здесь сказана уверенность Платонова в том, что мертвое – это начальная точка раскочки той мировой синусоиды, которая сохранит эту энергию неуничтожимой: “теперь сила Лихтенберга хранилась в покойном животном” (МВ, 304). Платонов здесь моделирует свою версию закона сохранения энергии, где ничто никуда не пропадает, позитивное (этико-энергетическое накопление) противостоит негативному (этико-энергетическая энтропия, разрушение человеческого существа и Земли), каждый может внести свою лепту в тот или иной лагерь, прибавив или отняв энергию своему личному “веществу существования” и всей Земле в целом. Мертвая крыса – исключительное надежное хранилище жизненной энергии Лихтенберга, подобно тому, как помой – достаточно надежный источник получения этой энергии. Энергия переходит в вещество и вещество – в энергию; переходы от одной формы вещества к другой форме вещества выражают круговорот космической энергии. Поэтому Лихтенберг легко возвращает себе потерянную часть его энергетики, съедая крысу: “Лихтенберг съел маленького зверя вплоть до его шерсти и уснул с удовлетворением своего возвращенного имущества” (МВ, 304). Энергетическое смирение, свойственное героям “Котлована”, доходит в Лихтенберге до своего максимума и абсолюта. Его человеческое существо сжалось до размера его мысли, оставив “праху” тело, которое оказалось по ту сторону его бытия в облике Homo Sapiens. Свое

³⁹ Р. Штайнер. Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначения человека, с. 55.

собственное тело, опровергая Декарта, Лихтенберг воспринимает как постороннее вещество, находящееся вне сферы его реального бытия.

Этот же мотив о мысли как самой высокой энергии, доступной Вселенной и находящей свое выражение в человеческом существе, встречается в статье “Луначарский” (1920). Здесь Платонов пытается антропологически осмыслить революционера как деятеля космического масштаба, который занимает определенное положение между всеми проявлениями вещества вселенной – от “звезды до пылинки” – и как часть “революции”, которую, как уже отмечалось, он воспринимал как коренное перераспределение энергии Космоса. Мыслительная энергия революционера – это та же “физика космических пространств”, которая характеризует сознание Лихтенберга. Революцию Платонов понимает как органическое космическое действие, которое представлено как сгусток космической энергии, имеющий свою служебную функцию в мировом энерго-историческом развитии. Это нечто вроде организма, составляющего важную часть “вещества существования”, его самую лучшую часть, которая спасет и преобразит остальное. Мысль – самый высокий вид энергии, доступный человеку, любовь – самое точное применение энергии, доступное человеку. Реализуясь в истории, энергия превращается в “вещь”, предмет, явление, “оплотняется” (пользуясь термином М. М. Бахтина). Если энергия достаточно высока и в оплотненной вещи – она представляется нам “живой”, сгустком вещества, заряженным добавочной энергией. Если вещество наделено способностью принимать жизненную энергию земли – мы имеем дело с живым существом. Если это живое существо способно вырабатывать мысль, синтезируя энергию Космоса – речь идет о человеке, единственно наделенном способностью вырабатывать энергию и питать ею Космос, лишь ему доступен такого рода энергетический диалог с Мирозданием “на равных”.

Не случайно, что Лихтенберг произносит проповеди, но не вступает в диалог с “мусорным миром”, подобно Христу, он молчит в ответ на обвинения, в которых повинны его же судьи: “я безмолвный”, – говорит он, демонстрируя отсутствие каких-либо внешних общественно-социальных помыслов. Убийство офицера осуществляется им не из чувства мести или страха смерти, которые остались далеко позади, еще там, где его в первый раз убили, но в рамках той же борьбы с пустотой, которой посвящена вся его жизнь, и он бросает офицера в яму “по детской привычке сунуть что-нибудь в пустое место” (МВ, 309). Самопожертвенный поступок Лихтенберга, отрезающий кусок своей плоти, чтобы накормить умирающего от голода человека (МВ, 311), казалось бы, более всего

напоминает известную легенду о Буддасатве, который накормил своим телом умирающую от голода тигрицу. Однако мотивирован он не буддийским презрением к земной жизни, но, напротив, попыткой эту земную жизнь поддержать остатками его сил и средств.

Амбивалентная актуализация-редукция человеческого тела в условиях запрета на мысль приводит к формированию особого сочетания, которое открывает свойства платоновской антропологической модели. Характер изменений, которые происходят с человеком, указывает на вектор движения истории человечества – неполноценное бытийное состояние общества приводит к мутации человека, вплоть до утери им половых признаков и изменения биологической картины. Параллельно “медведю-кузнцу” из “Котлована”, который выражает собой на физиолого-антропологическом уровне концепцию “социального животного” К. Маркса, Лихтенберг оказывается “новым возможным видом социального животного”, который имеет следующие аномальные признаки:

- 1) “обрастает волосяшым покровом”;
- 2) “половые признаки неясно выражены”;
- 3) голова становится непропорциональной относительно всего остального тела – “по внешней характеристике головы – дебил” (МВ, 305).

Бессрочность приговора, вынесенному Лихтенбергу, передает мысль об исчезающем времени, которое неизбежно следует за “замусориванием пространства”. Согласно развиваемой в “Мусорном ветре” антропологической модели, форма человеческого тела и все его известные физиолого-анатомические свойства – прямое выражение его энергетического состояния и соответствующего ему положению в Мироздании. При изменении этого состояния, меняется и положение – и наоборот. Человек, теряя свою функцию “мыслящего существа вселенной”, обрастает шерстью и деградирует в животное. “Утром собака, как щенка, испуганно пришла в помойное место. Лихтенберг сразу понял, увидев эту собаку, что она – бывший человек, доведенный горем и нуждой до бессмысленности животного...” (МВ, 304). Напротив, повышение мыслительной энергии и соответствующее этому этико-энергетическое состояние человеческого общества могут (и должны, по мнению Платонова) привести человека к преобразению и новому мировому статусу – Нового Адама.

Лихтенберг в “Мусорном ветре” – пророк гибели человечества в условиях тяжелого кризиса, который наступит в условиях тотального энергетического истощения (“замусоривания”) Вселенной. Находясь в лагере, он узнает о том, что пути к спасению человечество себе от-

резало, люди сожгли его книгу “Вселенная – безлюдное пространство” (МВ, 306), наверняка повествующую о необходимости противодействия энтропии и пророчествующую о гибели человека в конце выбранного Европой пути. Представление о Земле как едином организме, “наполненном почти сплошь одними минералами”, приводит к стремлению отыскать источник бытия именно в них, вплотную подходя к сюжету романа “Котлован”. Человек появляется “из глины”, лишь если он необходим Вселенной, и исчезает (деградирует в животное), если он перестает быть необходимым или не выполняет возложенных на него Мирозданием функций, поэтому Лихтенберга вовсе не огорчает, что, как он видит, “земля делается безлюдной и минеральной” (МВ, 306). Он мечтает только о том, чтобы амплитуда энергетических колебаний Мироздания, подорванная человеком, не затухла и время не остановилось бы окончательно: “ему хотелось лишь, чтобы каждый день был вечер” (МВ, 306).

Гибель человека, выполнившего на земле свою миссию, согласно концепции повествователя “Мусорного ветра”, не является напрасной или ведущей в никуда. Корнем жизни является качество и количество энергии, получаемой и передаваемой человеком, по отнюдь не биологическое тление его тела, которое само определяется энергетикой, вплоть до изменения физиологических параметров организма. Физически истощенный, потерявший свою антропологическую биологию Лихтенберг и здоровая и сильная девушка “с изящным телом” поставлены повествователем перед угрозой смерти как два полюса физического состояния человека, актуализируя их внешнюю противоположность и, одновременно, принципиальное равенство. Источник жизни обеспечивает, в рамках принципа сохранения энергии – и сохранения вещества, которое есть форма энергии. Личность человека переходит в новое состояние после его смерти, но не уничтожается, “достоинство” его пребывает “внутри самого ее одинокого тела” (МВ, 308). Поэтому энергетически корректный человек живет без страха за свою жизнь – такого типа мировоззрение у Лихтенберга, который не боится умереть, и у Ядвиги Вотман, которая “уходила не в смерть, а в перевоплощение” (МВ, 308), потому что “она покидала жизнь, *сохранив полностью свои силы*” (курсив мой, К.Б. - МВ, 308).

В самой земле, растениях и животных заключена живая энергия мироздания, примененная ими адекватно, правильно, корректно. Человек должен учиться у них такому же верному участию в процессе перераспределения сил, отказавшись от губительного энергетического хищничества. В 1940-ые годы Платонов записывает в своей “Записной

книжке” диалог между матерью и сыном – на тему, которая стала лежит в основании многих произведений Платонова, о том, может ли человек вернуться из Земли назад, в жизнь. Сын спрашивает: “А мертвые из земли бывает жить? – Нет, сынок, они не бывают. – Мальчик умолк, неудовлетворенный. Неосуществленная или неосуществимая истина была в словах ребенка. В нем жила еще первоначальная непорочность человечества, унаследованная из родника его предков”.⁴⁰

⁴⁰ Записная книжка 1941-50 гг. // А. Платонов, Собрание сочинений в 3-т., т. 3. М 1985, с. 546.